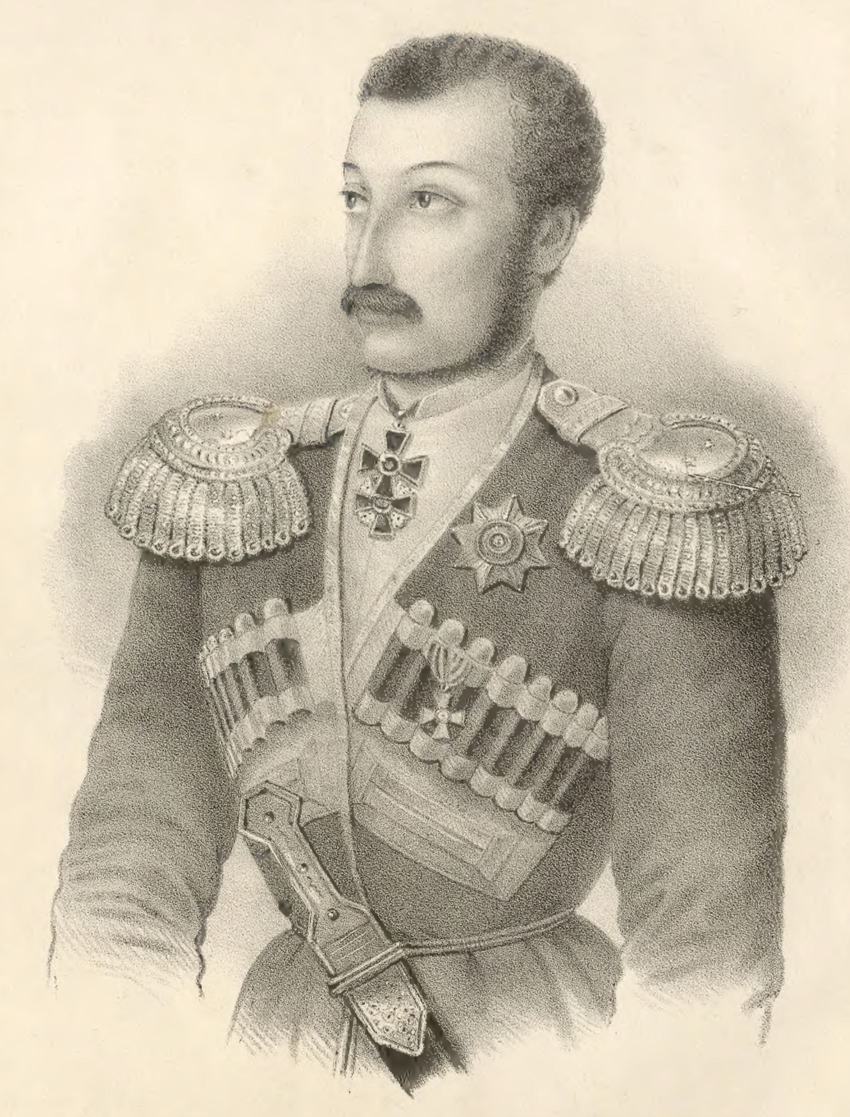
N 62[illegible]

~~[illegible]~~

Кавказцы

за 1857

Отд. оттиска

Лит. Н. Шевалье | Цен. Бекетовъ въ С.П.Б.

Генералъ – Маiоръ

СЛѢПЦОВЪ.

ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ СЛѢПЦОВЪ.

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ

ИЗДАННОЕ

Гвардіи Полковникомъ С. Новоселовымъ.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ И РИСУНКОМЪ, ИЗОБРАЖАЮЩИМЪ ДѢЛО ПРИ ГЕХАХЪ, ВЪ КОТОРОМЪ Г. М. СЛѢПЦОВЪ УБИТЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЯКОВА ТРЕЯ.

1858.

463617

ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ СЛѢПЦОВЪ.

Николай Павловичъ Слѣпцовъ родился 6 декабря 1815 года, въ селѣ Кологривовкѣ Аткарскаго уѣзда въ Саратовской губерніи, родовомъ имѣніи Слѣпцовыхъ. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ родительскомъ домѣ, подъ наблюденіемъ строгаго, но попечительнаго отца, извѣстнаго своимъ положительнымъ умомъ и высокою, старинною барскою честностію слова, и нѣжной матери, женщины истинно религіозной. Десяти лѣтъ *) онъ былъ отправленъ въ Ярославль, въ тамошній Благородный Пансіонъ при Демидовскомъ Высшихъ Наукъ Училищѣ, нынѣшнемъ Лицеѣ. Въ этотъ отроческій возрастъ былъ уже видѣнъ въ Слѣпцовѣ будущій человѣкъ, котораго судьба поведетъ ко многому; — и тогда онъ имѣлъ острый умъ, пріятное, умное личико, глаза черные, блестящіе и сверкающіе, когда разсердится. Самый большой и сильный изъ пансіонеровъ не рѣшался обидѣть его, потому что, не смотря на свое безсиліе, въ первую удобную минуту Слѣпцовъ подкрадется къ обидчику и, покуда тотъ опомнится, онъ отдѣлаетъ его по-свойски и увернется какъ ртуть; но самъ онъ не начиналъ никогда ссоры. Дарованія его были превосходны. Изъ Ярославля Слѣпцовъ прибылъ въ С. Петербургъ, и поступилъ, 4 іюля 1828 года, въ Горный Институтъ, въ которомъ пробылъ до 26 мая 1834 года.

Здѣсь въ немъ вполнѣ развилось призваніе къ военной службѣ, въ которой постоянно находились предки Слѣпцова еще до послѣдней половины XV столѣтія. Награжденный четыре раза за прилежаніе, успѣхи въ наукахъ и благонравіе, онъ, сверхъ того, получилъ за ситуацію — топографическую карту, а за фехтованіе — рапиру. Эти двѣ послѣднія награды Слѣпцовъ считалъ своимъ торжествомъ и неотступно просилъ отца о переводѣ его въ Школу Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ и Юнкеровъ. Обремененный семействомъ отецъ долго не рѣшался. Наконецъ, по ходатайству родныхъ, согласіе было изъявлено, и вотъ письмо юноши къ отцу, слово въ слово, предъ экзаменомъ, отъ 13-го іюня 1834 года:

---

*) *Сѣв. Пчела* 1852 г., № 109, въ статьѣ «О генералъ-маіорѣ Слѣпцовѣ», написанной роднымъ братомъ героя; по этому г. Ильинъ, товарищъ Слѣпцова по Лицею, несправедливо показываетъ, въ статьѣ напечатанной въ *Кавказѣ* 1852 г. и перепечатанной въ *Русскомъ Инвалидѣ* 1852 г., № 152, что въ это время Николаю Павловичу было восемь лѣтъ.

«Я началъ письмо мое вступленіемъ о затрудненіяхъ предстоящаго экзамена, не для того, чтобъ возвысить въ глазахъ вашихъ цѣну заботъ моихъ, но отъ искренности и чистоты души, и потому еще, что это весьма важно въ теперешнемъ моемъ положеніи. Не думайте также, любезнѣйшій батюшка, чтобъ я раскаявался въ своемъ желаніи и предпріятіи. Боже меня сохрани отъ такой мысли! Я никогда не допущу этого! Чѣмъ затруднительнѣе определенная собственнымъ моимъ побужденіемъ цѣль, тѣмъ радостнѣе будетъ для меня достиженіе ея! Теперь же я смѣю только надѣяться, позволю даже себѣ быть увѣреннымъ, но отчаяваться—никогда! Постыдно и безбожно было бы мнѣ не чувствовать родительскихъ заботъ вашихъ; я понимаю ихъ и цѣню, какъ велитъ долгъ мой. Благословляю Творца, что Онъ, по благости Своей, не судилъ еще до сихъ поръ заслужить отъ васъ упрека въ моемъ стараніи. Будучи осьмнадцати лѣтъ, я, сколько чувствую и сознаю себя, надѣюсь, что не допущу васъ въ немъ усомниться, и, если позволите сказать прямо, откровенно думаю, что заботы ваши пали не на совсѣмъ безплодную почву, но рано или поздно должны принести плоды (по силамъ моимъ), болѣе или менѣе для васъ утѣшительные. Чувства мои не должны быть для васъ закрыты; по законамъ Бога и природы, я долженъ держаться предъ вами только одного: что на душѣ, то и на языкѣ. Я былъ бы слишкомъ безчувственъ, слишкомъ неблагодаренъ, если бъ когда либо осмѣлился не быть увѣреннымъ, составить ваше утѣшеніе. Молю только Бога, да продлитъ Онъ дни ваши на радость и счастіе. Батюшка! Я очарованъ истиннымъ назначеніемъ военнаго званія, я ставлю его выше всѣхъ другихъ понятій. Всѣ мои желанія, всѣ усилія стремятся къ тому, чтобъ вступить на это высокое, славное поприще и быть его достойнымъ. Я упросилъ, умолилъ васъ, такъ сказать, вырвалъ у васъ согласіе, и теперь у меня нѣтъ и не должно быть ни другой мысли, ни другихъ заботъ, кромѣ тѣхъ, чтобы заботиться о вашихъ радостяхъ и оправдать доброе участіе родныхъ. Вы рѣшились, — и для меня нѣтъ препятствій! Предо мною обширное поле блаженству. Теперь я забываю превратность судьбы; мнѣ кажется, что я счастливъ навсегда — навѣки, по крайней мѣрѣ, въ эти минуты — совершенно!»

Сдержалъ-ли слово свое осьмнадцати-лѣтній юноша? Это всѣхъ лучше зналъ осьмидесяти-лѣтній старикъ-отецъ, скончавшійся за четыре года предъ смертію достойнаго сына. Когда начала гремѣть слава дѣлъ Николая Павловича на Сунжѣ, старикъ плакалъ, и могъ не стыдиться своихъ слезъ.

16 сентября 1834 года Слѣпцовъ былъ зачисленъ унтеръ-офицеромъ въ Л.-Гв. Литовскій полкъ, а 20 мая 1836 года произведенъ въ подпрапорщики.

Во время своего пребыванія въ Школѣ онъ былъ особенно отличенъ внимательнымъ начальникомъ ея, генераломъ Шлиппенбахомъ, который лично сказалъ его родному брату *): «братъ вашъ имѣетъ истинный характеръ военнаго человѣка, и подаетъ прекрасныя надежды.» Слѣпцовъ былъ въ Школѣ фельдфебелемъ; всѣ товарищи любили его безъ памяти и, уважая Николая Павловича, берегли его и опасались какими либо шалостями подвести подъ отвѣтственность.

Высочайшими приказами Слѣпцовъ произведенъ: 1-го января 1837 года, имѣя отъ роду 20 лѣтъ, въ прапорщики, со старшинствомъ отъ 4-го сентября 1836 года, и назначенъ Лейбъ-Гвардіи въ Литовскій полкъ; 28 января 1838 года въ подпоручики; а 29 января 1839 года «за отлично-усердную и ревностную службу», Всемилостивѣйше награжденъ единовременно 500 руб. асс. Но служба въ рядахъ блестящей Императорской Гвардіи,— въ то время, когда не предвидѣлось ни съ которой стороны близкой войны,— была не по душѣ Слѣпцову. Поэтому 16-го іюня 1840 года, по собственному желанію поступить скорѣе въ дѣйствующія войска, онъ перешелъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ**) штабсъ-капитаномъ, съ состояніемъ по кавалеріи. По прибытіи на Кавказъ, Слѣпцовъ поступилъ, 10-го сентября 1840 года, въ должность адъютанта къ начальнику штаба войскъ, расположенныхъ на Кавказской Линіи и въ Черноморіи, генералъ-маіору Траскину, — въ которой былъ утвержденъ 28 декабря того-же года.

Съ первыхъ же дней Слѣпцовъ принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ; именно, въ октябрѣ и ноябрѣ 1840 года,

*) *Спб. Пчела* 1852 г. № 109.

**) Нынѣ Нижегородскій драгунскій Его Королевскаго Высочества Наслѣднаго Принца Виртембергскаго полкъ.

онъ находился въ экспедиціи, предпринятой подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Граббе въ Чечню,—въ ту страну, гдѣ, въ послѣдствіи, онъ основалъ Сунженскій казачій полкъ и постоянно водилъ его къ побѣдѣ. Во время этой экспедиціи было истреблено очень много враждебныхъ ауловъ, и за отличіе, оказанное въ дѣлахъ, при томъ происходившихъ, Слѣпцовъ Всемилостивѣйше награжденъ, 30 іюня 1841 года, первымъ орденомъ — Св. Станислава 3-й степени.

Въ слѣдующемъ году онъ находился опять въ Чеченскомъ отрядѣ, подъ начальствомъ того-же генерала и, между прочимъ, участвовалъ: 13-го мая въ продолжительномъ и упорномъ бою при овладѣніи берегами рѣкъ Ачи-Су и Татлы-Су и окрестными высотами; 15-го мая — при взятіи Хубарскихъ высотъ съ рукопашнаго боя; 21-го — въ жаркомъ дѣлѣ, бывшемъ при истребленіи деревень Дылыму и Юртъ-Ауха; 26-го іюня — во время слѣдованія изъ аула Чахкеры, въ сильной перестрѣлкѣ съ партіею Ахверды-Магомы; 27-го—въ жаркомъ дѣлѣ при проходѣ по западному скату высотъ Ханкаминскаго ущелья; 28-го сентября— въ упорномъ дѣлѣ въ лѣсу, прилегающему къ аулу Чемулго и при взятіи съ боя ауловъ: верхнихъ, среднихъ и нижнихъ Чуреки-Аршты; 29-го—при взятіи аула Берешни и его каменной башни; 16-го октября—въ рукопашныхъ схваткахъ въ Бокаевскомъ лѣсу; 17-го октября—въ жаркомъ дѣлѣ полковника Фрейтага при переходѣ отъ деревни Алды къ Урусъ-Мартану въ Гойтинскомъ лѣсу; 23-го—въ рукопашномъ бою, бывшемъ при истребленіи Гойтинскихъ и Алдинскихъ хуторовъ и въ сильнѣйшей перестрѣлкѣ съ толпами Ахверды-Магома; 30-го—въ жаркомъ дѣлѣ той же колонны полковника Фрейтага и, кромѣ того, во многихъ перестрѣлкахъ и схваткахъ съ горцами, происходившихъ при истребленіи ихъ ауловъ.

Въ 1842 году Слѣпцовъ участвовалъ въ движеніяхъ генералъ-лейтенанта Засса за Кубань. 16-го мая этого года онъ былъ произведенъ въ капитаны, а 25-го іюля слѣдующаго года перемѣщенъ на должность адъютанта къ начальнику штаба Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, которымъ былъ тогда назначенъ генералъ-маіоръ Траскинъ.

Въ началѣ послѣдняго года, Слѣпцовъ опять находился въ экспедиціи за Кубань и, между прочимъ, участвовалъ 1-го марта въ отраженіи значительной партіи горцевъ, аттаковавшихъ Житомирскій полкъ, а потомъ Зассовское укрѣпленіе; 24-го—при отраженіи горцевъ, напавшихъ на станицу Махошевскую; потомъ былъ командированъ въ отрядъ, охранявшій Военно-Грузинскую дорогу, а съ 1-го іюля по 1-е октября командированъ въ отрядъ, строившій укрѣпленіе на рѣкѣ Кефарѣ, гдѣ находился на службѣ во фронтѣ, по порученіямъ, на штабъ-офицера возлагаемымъ; 2-го октября получилъ еще новую командировку въ отрядъ войскъ, собранныхъ въ Сѣверномъ Дагестанѣ, въ который прибывъ, состоялъ при штабѣ генералъ-лейтенанта Гурко.

Здѣсь представился Слѣпцову случай совершить первый особенно замѣчательный подвигъ, завоевать первый листокъ въ свой лавровый вѣнокъ.

Когда, 16-го декабря, генералъ Клюге-фонъ-Клугенау пошелъ на выручку храбраго подполковника Діомида Васильевича Пассека, бывшаго въ осадѣ слишкомъ мѣсяцъ въ укрѣпленіи Зыраны, Слѣпцовъ отправился охотникомъ, въ отрядѣ генерала Клугенау, который поручилъ ему въ командованіе 1-й баталіонъ Апшеронскаго полка. Сорокъ верстъ до Зырановъ наши соколы не прошли, а перелетѣли, отдохнувъ съ часокъ у Бурундукъ-Кальской башни. Непріятель вездѣ бѣжалъ, и русскія знамена развѣялись на высотахъ, находящихся въ двухъ верстахъ предъ Зыранами. Войска Клугенау, едва переводя духъ, стремились къ братьямъ; святое «ура!» было дружескимъ привѣтомъ обоихъ отрядовъ; и вдругъ изъ укрѣпленія, въ привѣтъ избавителямъ, раздался залпъ изъ ружей, загрохотала пальба изъ всѣхъ орудій, растворились ворота, подъемный мостъ упалъ и радостныя слезы двухъ отрядовъ смѣшались при объятіяхъ избавителей и избавленныхъ. Николай Павловичъ плакалъ, какъ ребенокъ.

На другой день началось выступленіе изъ укрѣпленія Зыраны противъ непріятеля, занявшаго между тѣмъ дорогу къ Темиръ-Ханъ-Шурѣ. Едва вошли отряды въ Игранойское ущелье, какъ съ обѣихъ высотъ полетѣли пули и камни. Лѣвую высоту ущелья взялся очистить Пассекъ, правую Слѣпцовъ. Съ шашкой въ рукѣ, впереди всѣхъ, онъ полѣзъ на крутую высоту, болѣе 300 саженъ. Многіе валились кру-

гомъ его, и раненые летѣли внизъ, не имѣя силъ удержаться, но онъ хранимъ былъ рокомъ. За гребнемъ горы засѣли горцы; ружья были безсильны противъ нихъ. «Не стрѣляй, не стрѣляй!» — кричалъ Слѣпцовъ, — «береги зарядъ, не торопись, переведи духъ.... ура!» и горцы были опрокинуты, и погналъ онъ ихъ съ гребня на гребень, и пошелъ вездѣ колотить ихъ *).

За отличіе, оказанное въ это время, Слѣпцовъ, 20 сентября 1844 года, произведенъ въ маіоры со старшинствомъ съ 15 декабря 1843 года, съ назначеніемъ состоять по кавалеріи и при Кавказскомъ линейномъ казачьемъ войскѣ.

Въ 1844 году онъ находился сперва въ экспедиціи, предпринятой подъ личнымъ начальствомъ командира Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, генералъ-адъютанта Нейдгардта, и, кромѣ многихъ перестрѣлокъ, участвовалъ: 15-го августа въ рукопашномъ бою съ Чеченцами, который славно выдержалъ авангардъ и боковыя прикрытія отряда, производившаго фуражировку подъ начальствомъ генералъ-маіора Викторова, по направленію къ Закатъ-Юрту; потомъ находился въ экспедиціи подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Гурко, для заложенія передовой Чеченской линіи, участвуя почти въ ежедневныхъ перестрѣлкахъ, а 19-го августа въ кавалерійской атакѣ близъ большой Атаги; 20-го — въ пораженіи значительной партіи конныхъ Чеченцевъ, при слѣдованіи къ Чахъ-Киринскимъ хуторамъ; 22-го — при завладѣніи островами, на р. Аргуни, частію отряда подъ командою подполковника Меллера-Закомельскаго; 23-го — въ кавалерійской атакѣ на Чеченцевъ; 30-го — въ переправѣ чрезъ р. Аргунъ подъ сильнымъ огнемъ непріятельскаго скопища, при овладѣніи Тембулатъ-Юртомъ, въ занятіи лѣсистыхъ высотъ праваго берега и при наведеніи моста чрезъ эту рѣку; 31-го — въ отраженіи и преслѣдованіи значительной партіи горцевъ, напавшихъ на два фаса засѣки, устроенной на правомъ берегу р. Аргуни; 8-го сентября — въ поискѣ части отряда, подъ личнымъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Гурко, къ аулу Шали, при овладѣніи переправой чрезъ Аргунъ, близъ большой Атаги, и въ двухъ кавалерійскихъ атакахъ, бывшихъ въ этотъ день; 21-го и 24-го — въ дѣлѣ съ сильною партіею горцевъ въ Ханкалинскомъ ущельѣ, которое имѣла колонна полковника Козловскаго, ходившая въ Грозную; 26-го — въ томъ же ущельѣ, при взятіи съ боя непріятельскихъ заваловъ, подъ начальствомъ подполковника Бибикова; 28-го — при занятіи съ боя этого же лѣса; 1-го октября Слѣпцовъ участвовалъ въ набѣгѣ части отряда, опять подъ личнымъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Гурко на аулъ Геленъ-Гойта, при чемъ происходила переправа чрезъ р. Гойту подъ сильными непріятельскими выстрѣлами, съ боя наши овладѣли многолюднымъ ауломъ Гойта, разграбили его и отразили нападеніе Чеченцевъ на боковыя прикрытія и аріергардъ, и происходилъ рукопашный бой въ послѣднемъ; 16-го — въ схваткѣ съ Чеченцами на правомъ берегу Аргуни; 11-го ноября — въ кавалерійской атакѣ на томъ же берегу къ аулу Дады-Шавдокъ и въ занятіи аула; наконецъ онъ участвовалъ въ кавалерійскихъ набѣгахъ: 14-го — на аулъ Телингенъ-Эку и 15-го — на аулъ Исланъ и во многихъ перестрѣлкахъ.

13-го іюля 1844 года Слѣпцовъ Всемилостивѣйше награжденъ, «за отлично-усердную и ревностную службу», орденомъ Св. Анны 3-й степени; а за отличіе, оказанное въ дѣлахъ съ горцами въ теченіе этого года, онъ получилъ, 12-го августа 1845 года, орденъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ.

19-го января 1845 г. маіоръ Слѣпцовъ назначенъ командиромъ 1-го Сунженскаго линейнаго казачьяго полка съ оставленіемъ по кавалеріи. Сообщаемъ замѣчательный приказъ, отданный имъ по полку отъ 30-го августа того же года, объ этомъ назначеніи, въ которомъ ярко отражается характеръ Слѣпцова и видны не только его воинскія доблести, но и душевныя и нравственныя качества. Вотъ этотъ приказъ:

«Высочайшимъ приказомъ въ 19-й день января 1845 года назначенъ я командиромъ 1-го Сунженскаго линейнаго казачьяго полка. Обязанность моя заботиться о благосостояніи вашемъ, и я приступаю къ трудному долгу своему съ удовольствіемъ. Желаніе Государя и Правительства, чтобы вы на новой линіи были твердымъ оплотомъ для защиты

*) Изъ разсказа г. Ильина, очевидца дѣла, помѣщеннаго въ *Кавказѣ* 1852 года и *Русскомъ Инвалидѣ* 1852 г. № 152.

дарованныхъ вамъ земель, вашего имущества и семействъ— противъ хищниковъ. Милостью Царя вамъ даны вспомоществованія и преимущества. Чувствуйте благодѣянія Монарха и попеченіе начальниковъ.

«Вѣра въ Бога и повиновеніе властямъ земнымъ есть первый залогъ отваги и силы. Понимайте долгъ христіанскій, исполняйте его по присягѣ, и вы превзойдете старыхъ одностаничниковъ вашихъ, оправдаете надежду Царя и начальниковъ.

«Молодечествомъ казакъ щеголяетъ, удальство въ крови его, оружіе и конь срослись съ нимъ. Новобранцы! берите примѣръ съ опытныхъ, и будемъ единодушно отстаивать собственность вашу твердо и мужественно. Не обманывайте себя заранѣе ложною силою непріятеля; вы будете имѣть борьбу съ народомъ, на которомъ лежитъ клеймо Божьяго гнѣва и презрѣнія, съ бродягами, попирающими земные дары, промѣнявшими честный трудъ на грабежи и мошенничество. Они сильны тогда только, когда нападаютъ на слабаго, а вы всегда сильны вѣрой, славой имени Русскаго и славой казацкою съ давнихъ временъ.

«Будьте же достойны званія казака по долгу христіанскому, вѣрности присягѣ, доблести, мужеству, удальству, повиновенію къ старшимъ, ловкости и расторопности. Тогда будете имѣть успѣхъ въ хозяйствѣ и дни ваши процвѣтутъ изобиліемъ и богатствомъ. Земля ваша имѣетъ всѣ способы къ тому, и вы сами ее уже оцѣнили.

«Нѣтъ врага кресту нашему; мы водрузимъ знаменіе Спасителя вездѣ, гдѣ укажетъ намъ Богъ перстомъ Царя. Долгъ нашъ — оружіемъ утвердиться здѣсь, на новыхъ мѣстахъ поселеній, и мы обязаны исполнить этотъ священный долгъ съ горячимъ усердіемъ, славно, честно, неутомимо.

«Кто не признаетъ истины въ словахъ моихъ, тотъ врагъ закону Божію, врагъ порядку и собственной пользѣ, тому судъ небесный, а на землѣ нѣтъ мѣры наказанія.

«Считаю обязанностію по званію моему и считаю долгомъ пріятнымъ жертвовать собою для пользы вашей; вы это узнаете послѣ. Отъ васъ же требую я усерднаго исполненія по закону и словамъ моимъ. Мой долгъ также соблюдать и ограждать права ваши; всякой обиженный и неудовлетворенный кѣмъ бы то ни было и въ чемъ бы то ни было можетъ придти ко мнѣ во всякое время съ жалобой, лишь бы она была законна и справедлива. Объявляю вамъ также, что я буду каждый мѣсяцъ постоянно опрашивать претензіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ предваряю, что изслѣдованія мои по жалобамъ будутъ самыя строгія и съ виновныхъ будетъ взыскиваться по законамъ примѣрно. Всѣ бумаги, при которыхъ будутъ получаться для васъ деньги отъ Правительства или другія вспомоществованія, поставляю правиломъ обнародовать отъ слова до слова на сходкахъ, какъ я это уже дѣлалъ доселѣ.

«Высочайше одобренныя правила уже были не разъ обнародованы мною вамъ къ всеобщему свѣдѣнію. Отъ васъ зависитъ, чтобы довольствіе сопровождало дни ваши; исполняющій долгъ свой будетъ веселиться; веселье честной души радуетъ сердце начальника, а жить будемъ весело тогда, когда вы уразумѣете свое дѣло по долгу присягѣ и словамъ моимъ. Въ томъ я вамъ порукою.»

Всѣ слова приказа Слѣпцовъ въ точности выполнилъ своимъ командованіемъ и запечатлѣлъ своею геройскою смертію.

Въ самое короткое время послѣ сформированія Сунженскаго казачьяго полка и заложенія прекрасныхъ его станицъ, Слѣпцовъ и храбрые его казаки, вполнѣ достойные такого начальника, сдѣлались грозою нашихъ непріятелей въ этой сторонѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, надеждою и увѣренностію для болѣе благомыслящихъ Чеченцевъ; потому что тотъ же самый Слѣпцовъ, который никогда не зналъ ни одного неудачнаго дѣла, во всѣхъ случаяхъ завоевывая полный успѣхъ немедленною и рѣшительною атакою въ шашки, пріобрѣлъ общее уваженіе справедливостію во всѣхъ сношеніяхъ и ласковымъ обхожденіемъ съ тѣми, которые расположены были съ нами мириться.

Между тѣмъ въ этомъ году Слѣпцовъ находился въ Назрановскомъ отрядѣ, дѣйствовавшемъ въ Малой Чечнѣ подъ начальствомъ генералъ-маіора Нестерова; при чемъ, 5 іюня, онъ участвовалъ въ набѣгѣ на аулъ Шаудень-Шари, близъ Заканъ-Юрта, въ перестрѣлкѣ съ непріятелемъ, происходившей при взятіи и истребленіи этого аула, въ отступленіи на р. Фортангу, при сильномъ натискѣ Чеченцевъ, въ атакѣ милиціи и казаковъ и въ преслѣдованіи разбитаго непріятеля.

За оказанное при этомъ отличіе, 3-го января 1846 года, онъ произведенъ въ подполковники, со старшинствомъ со дня подвига.

23-го октября Слѣпцовъ участвовалъ въ отраженіи и преслѣдованіи значительной партіи Чеченцевъ, напавшей на скотъ около 2-й станицы 1-го Сунженскаго казачьяго полка, и за оказанное при этомъ дѣлѣ отличіе удостоился получить именное Монаршее благоволеніе, объявленное въ Высочайшемъ приказѣ 27-го іюня 1846 года.

Въ 1846 году, послѣ долговременнаго личнаго бездѣйствія, Шамиль, собравъ весьма сильное сборище, въ ночь съ 15-го на 16-е апрѣля переправился чрезъ Сунжу и пошелъ, какъ онъ надѣялся, скрытно, по направленію Большой Кабарды. Но это вторженіе, долго обѣщанное Шамилемъ всѣмъ народамъ Кабарды и за Кубанью, отъ котораго онъ ожидалъ общаго тамъ возстанія и сильнаго потрясенія нашей власти на Кавказѣ, въ нѣсколько дней было кончено безъ малѣйшаго успѣха, и ко вреду только тѣхъ изъ жителей Кабарды, которые по замыслу, или по слабости, присоединились къ нему на нѣсколько этихъ дней. Самъ Шамиль спасся, но спасся единственно поспѣшнымъ бѣгствомъ, и пока наши войска не могли еще съ разныхъ мѣстъ придти его окружить и истребить.

Замѣчательнѣйшія изъ дѣйствій, въ которыхъ при этомъ находился Слѣпцовъ, были: 18-го апрѣля пораженіе около аула Елхотова двухъ наибовъ, отбитіе 500 арбъ съ имуществомъ жителей и 2500 штукъ рогатаго скота, 22-го — преслѣдованіе Шамиля до укрѣпленія Черекскаго, 23-го — отраженіе и преслѣдованіе непріятельской конной партіи, занявшей позицію противъ Урвана, и 27-го—преслѣдованіе бѣжавшаго Шамиля движеніемъ изъ Черека на Урухъ.

Князь Воронцовъ, за дѣятельное участіе Слѣпцова, *счелъ пріятнѣйшимъ долгомъ,* — какъ самъ выразился, — въ приказѣ по Отдѣльному Кавказскому и 5-му пѣхотному корпусамъ, отдать ему полную справедливость и истинную свою признательность; а Государь Императоръ, «въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости», при этомъ имъ оказанныхъ, Всемилостивѣйше наградилъ его орденомъ Св. Анны 2-й степени.

9-го іюля того же года Слѣпцовъ участвовалъ въ отраженіи значительной партіи хищниковъ, покушавшейся напасть отъ р. Ассы на передовые посты казаковъ Донскаго № 19-го полка, прикрывавшіе покосныя мѣста, и при отраженіи нападенія партіи на жителей Троицкой станицы 1-го Сунженскаго полка, занимавшихся уборкою сѣна.

22-го іюля другая партія Карабулакъ, въ числѣ болѣе 300 человѣкъ отборной конницы, съ частію пѣхоты, напала на косцовъ той же Троицкой станицы; но *благоразумными распоряженіями* *) подполковника Слѣпцова и командовавшаго прикрытіемъ Навагинскаго полка, маіора Артемьева, косцы были прикрыты и хищники не успѣли ни чѣмъ поживиться. Между тѣмъ, резервъ Троицкихъ казаковъ, около 100 человѣкъ, подъ командою храбрыхъ хорунжаго *Старицкаго* и корнета *Мороза,* такъ стремительно атаковалъ въ шашки непріятеля, въ три раза сильнѣйшаго, что, оглушенные смѣлымъ ударомъ, Карабулаки, бросились бѣжать въ разсыпную въ лѣсъ, по едва проходимымъ дорогамъ, оставивъ на мѣстѣ боя семь изрубленныхъ тѣлъ съ оружіемъ и лошадьми, кромѣ значительнаго числа убитыхъ и раненыхъ, увезенныхъ ими съ собою.

Князь Воронцовъ, въ приказѣ по Корпусу **), объявилъ *полную свою благодарность* подполковнику Слѣпцову и всѣмъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ, участвовавшимъ въ этомъ *блистательномъ дѣлѣ* ***), испросилъ награжденіе наиболѣе отличившимся офицерамъ и назначилъ знаки отличія военнаго ордена: двумъ нижнимъ чинамъ Навагинскаго, двумъ Донскаго №19-го и двумъ 1-го Сунженскаго полковъ.

Въ концѣ года представился еще случай, доказавшій, по оффиціальному выраженію ****), *постоянную въ то время бдительность войскъ нашихъ на Сунжѣ и неусыпность ихъ начальника, подполковника Слѣпцова, а также и смѣлость казаковъ вновь поселеннаго полка.* Именно:

---

*) Выраженіе князя Воронцова, въ приказѣ по Корпусу, отъ 2-го августа 1846 г., № 207.

**) Приказъ по Корпусу, отъ 2-го августа 1846 г., № 207.

***) Выраженіе князя Воронцова (тамъ же).

****) Донесеніе начальника Владикавказскаго военнаго округа, напечатанное въ *Кавказѣ* 1846 г., № 51-й.

16-го ноября партія Чеченцевъ, до 500 человѣкъ, послѣ тщетныхъ ожиданій въ лѣсу у Нестеровскаго укрѣпленія выгона жительскаго скота, около полудня начала переправляться обратно чрезъ рѣку Ассу, выше укрѣпленія. Сигнальные выстрѣлы повѣстили Сунженскую линію о появленіи непріятеля, и немедленно конные резервы бросились изъ всѣхъ трехъ станицъ: Сунженской, Михайловской и Троицкой на Ассу, а за ними резервы Донскихъ полковъ и шесть ротъ пѣхоты съ 2-мя орудіями.

Первымъ прискакалъ къ рѣкѣ резервъ Сунженской станицы, подъ командою хорунжаго *Предимирова,* съ тѣмъ, чтобы перерѣзать отступленіе непріятелю, который тянулся по опушкѣ Карабулакскаго лѣса на противоположномъ берегу; казаки эти тотчасъ же переправились черезъ рѣку и скрытно пробѣжавъ лѣсистою балкою, бросились на Чеченцевъ и завязали съ ними рукопашный бой. Непріятель сначала, пользуясь превосходствомъ силъ, упорно защищался, но, замѣтивъ приближеніе остальныхъ казаковъ, бѣжалъ и едва успѣлъ скрыться въ глубинѣ лѣса. Эта удачная схватка продолжалась не болѣе четверти часа: дѣло рѣшили одни казаки Сунженской станицы.

Наконецъ 16-го ноября того же года Слѣпцовъ предпринялъ поискъ за сильною непріятельскою партіею, подъ начальствомъ четырехъ наибовъ, переправившеюся чрезъ Сунжу, между укрѣпленіемъ Казакъ-Кичу и Заканъ-Юртомъ. Горцы вскорѣ бѣжали.

Въ продолженіе всей зимы 1846—47 года непокорные жители Малой Чечни подвергались нападеніямъ нашихъ отрядовъ и лишенію всего имущества и находили въ своихъ, постепенно очищаемыхъ лѣсахъ лишь ненадежное убѣжище. Слѣпцовъ, по обыкновенію, во всѣхъ этихъ дѣлахъ принималъ самое сильное участіе. Остановимся на главнѣйшихъ изъ его подвиговъ.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1847 года отрядъ генералъ-маіора Нестерова, въ которомъ находился и Слѣпцовъ, проложилъ двѣ дороги отъ Назрана и станицы Сунженской въ Галашевское ущелье, вырубилъ по нимъ лѣсъ и истребилъ аулы между Ассою и Фортангою. Этимъ была пріобрѣтена возможность во всякое время года безпрепятственно наказывать Галашевцевъ, весьма безпокойныхъ сосѣдей новыхъ Сунженскихъ станицъ. Жители ауловъ между Ассою и Сунжею, съ движеніемъ нашего отряда, принуждены были покинуть свои домы и со всѣмъ своимъ имуществомъ перейти на правый берегъ Ассы въ ущелье рѣки Пфуты, въ мѣста, которыя они считали для насъ недоступными.

Для преслѣдованія горцевъ и тамъ, генералъ-маіоръ Нестеровъ отправилъ полковника барона Вревскаго, съ отрядомъ, въ которомъ находился и Слѣпцовъ, чрезъ рѣку Ассу къ рѣкѣ Пфутѣ. Движеніе было произведено совершенно внезапно и успѣшно. 17-го января Слѣпцовъ, съ двумя сотнями 1-го Сунженскаго линейнаго казачьяго полка, выступивъ изъ станицы Сунженской, присоединился къ отряду, а 18-го уже былъ, вмѣстѣ съ нимъ, на рѣкѣ Пфутѣ. Кавалерія, которою командовали подполковники Эристовъ и Слѣпцовъ, поддержанная во время пѣхотою, мгновенно окружила непокорные аулы и, не смотря на сопротивленіе непріятеля, пытавшагося нѣсколько разъ атаковать наши цѣпи, успѣла истребить 11 селеній со всѣми запасами хлѣба и сѣна.

Слѣпцовъ, за отличіе, оказанное въ этомъ дѣлѣ, Всемилостивѣйше награжденъ, 25-го іюня того же года, чиномъ полковника со старшинствомъ съ 18-го января.

19-го января онъ участвовалъ въ истребленіи непокорныхъ ауловъ Галашевскихъ по лѣвому берегу Ассы.

20-го числа генералъ-маіоръ Нестеровъ съ отрядомъ возвратился на Сунжу, откуда 24-го числа предпринялъ новый набѣгъ на рѣку Фортангу для истребленія аула Бумута; въ набѣгѣ участвовалъ опять Слѣпцовъ.

14-го февраля нѣкоторая часть жителей Малой Чечни, находившаяся въ сборѣ, намѣревалась напасть на дровосѣковъ Сунженскихъ поселеній. Слѣпцовъ, получивъ объ этомъ свѣдѣніе, выслалъ за ранѣе цѣлый баталіонъ Тенгинскаго пѣхотнаго полка, подъ командою маіора Кемпферта, въ прикрытіе рабочимъ, и, нѣсколько времени спустя, самъ съ двумя сотнями казаковъ прибылъ на мѣсто рубки. Послѣ благополучнаго окончанія работъ, Слѣпцовъ, желая наказать Чеченцевъ за ихъ непріязненныя намѣренія и зная, что они пасутъ свой скотъ между Сунжею и Ассою, рѣшился отбить у нихъ стада. Оставивъ двѣ роты съ орудіемъ въ дефилеѣ, для прикрытія обратнаго слѣдованія повозокъ, самъ онъ съ

остальными войсками, 16-го числа, быстро двинулся внизъ, по правому берегу Сунжи, и въ недальнемъ растояніи открылъ стада непріятеля. Казаки немедленно бросились на стороживших Чеченцевъ, изрубили нѣсколько человѣкъ, взяли въ плѣнъ 7 душъ и отбили 30 штукъ рогатаго скота. Между тѣмъ, партія въ 300 конныхъ Чеченцевъ, переправившаяся ночью за Сунжу и скрывшаяся за Кабардинскими горами, услышавъ перестрѣлку, понеслась на помощь своимъ и стремительно атаковала казаковъ; но эти послѣдніе, безъ выстрѣла, бросились въ шашки и разсѣяли ее. Потомъ весь отрядъ возвратился въ станицу съ большею добычею. Потеря наша состояла въ 1-мъ убитомъ и 5 раненыхъ.

30-го апрѣля Слѣпцовъ назначенъ начальникомъ Верхне-Сунженской Линіи, съ оставленіемъ въ прежней должности и по кавалеріи.

Въ маѣ мѣсяцѣ Сунженскую Линію посѣтилъ князь Воронцовъ. 3-го числа Главнокомандовавшій прибылъ въ станицу Сунженскую, а на другой день, 4 мая, въ его присутствіи храбрый Слѣпцовъ съ казаками своими снова имѣлъ прекрасное дѣло на берегахъ Ассы. Огромные толпы Чеченцевъ, при многихъ наибахъ, перешедъ ночью рѣку Фортангу выше Ачхоевскаго укрѣпленія, расположились, по утру 4-го, на правомъ берегу Ассы; пѣхота съ однимъ или двумя орудіями оставалась на томъ берегу, а конница перешла на лѣвый. По первому извѣстію объ этомъ, Слѣпцовъ съ 700 казаками поскакалъ къ непріятелю, а за нимъ слѣдовалъ баталіонъ Грузинскаго гренадерскаго полка съ двумя орудіями. По прибытіи казаковъ къ Ассѣ, Слѣпцовъ остановилъ ихъ въ ожиданіи пѣхоты. Чеченцы между тѣмъ усилили свою кавалерію и покушались обойти нашъ лѣвый флангъ; часть горскихъ храбрецовъ даже предприняла атаку въ шашки, — но хорошимъ дѣйствіемъ конной ракетной команды, устроенной Слѣпцовымъ, подъ командою поручика Едлинскаго, приведена была въ замѣшательство. Пользуясь этимъ, Слѣпцовъ, оставя въ резервѣ двѣ сотни Донскихъ казаковъ съ Сунженскими, одною Кавказскою и одною Моздокскою, пошелъ въ атаку. Непріятель былъ мгновенно опрокинутъ и потерпѣлъ совершенное пораженіе, оставилъ нѣсколько тѣлъ на мѣстѣ; казаки взяли три значка, одинъ галашевскаго наиба Дударова и два дагестанскіе. По прибытіи баталіона гренадеръ и прежде нежели два другіе баталіона пѣхоты, вышедшіе изъ Сунженской станицы, дошли до половины дороги, непріятель, сдѣлавъ три выстрѣла изъ орудія, поспѣшно ушелъ въ близъ лежащій лѣсъ; часть нашихъ казаковъ, переправясь чрезъ рѣку, видѣла только арріергардъ и пикеты ихъ у опушки лѣса. По свѣдѣніямъ, собраннымъ тутъ же на мѣстѣ отъ лазутчиковъ, въ сборѣ находилось 8 наибовъ изъ Большой и Малой Чечни, кромѣ дагестанскихъ; убитыхъ у нихъ было болѣе 20 человѣкъ и много раненыхъ. Непріятель вышелъ изъ Гехи съ 5-ю или 6-ю орудіями, но изъ нихъ 4 не переходили чрезъ Фортангу и ночью, прежде этого дѣла, соединился съ этимъ сборомъ наибъ Нуръ-Али, послѣ неудачнаго его предпріятія на Военно-Грузинскую дорогу, въ которомъ онъ былъ остановленъ галагаевскимъ племенемъ.

Въ этомъ блистательномъ кавалерійскомъ дѣлѣ, отъ скорости и рѣшительности нашей атаки, у насъ ранено только 3 казака и ядромъ въ ногу Грузинскаго гренадерскаго полка юнкеръ Кандиновъ.

Главнокомандовавшій на самомъ мѣстѣ сраженія поздравилъ съ знаками отличія военнаго ордена 3-хъ казаковъ, одного Моздокскаго полка и двухъ Сунженскаго, которые взяли непріятельскіе значки; а Государь Императоръ, 25-го мая, Всемилостивѣйше произвелъ Слѣпцова *(за отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ)* въ полковники, съ оставленіемъ въ прежнихъ должностяхъ и по кавалеріи, и наградилъ золотою саблею съ надписью за храбрость.

Послѣ этого неутомимый Слѣпцовъ участвовалъ, 9-го мая—въ заложеніи Ассинской станицы,—25-го при истребленіи кабардинской партіи, близъ аула Самашки; 12-го іюня — въ набѣгѣ къ рѣкѣ Валерику, при чемъ ввѣренная ему кавалерія, истребивъ аулъ Шалахи, взяла у непріятеля 9 плѣнныхъ и отбила болѣе 400 штукъ рогатаго скота; а при возвращеніи на Сунжу удачно отражены всѣ атаки партіи Нуръ-Али и Магометъ-Мурзы Анзорова.

30-го іюня Слѣпцовъ имѣлъ новое блистательное дѣло.

Въ этотъ день, въ 3 часа пополудни, партія хищниковъ, числомъ около 600 человѣкъ, подъ начальствомъ того-же Магометъ Анзорова и двухъ другихъ наибовъ Малой Чечни: Собдуллы и Дубы, внезапно переправясь чрезъ р. Ассу, близъ разореннаго аула Чиля-Чихи, бросилась на скотъ и

табунъ жителей новой станицы на р. Ассѣ столь быстро и неожиданно, что успѣла отрѣзать и захватить ихъ. Большая часть войскъ и казаковъ находилась въ это время въ другой сторонѣ для прикрытія сѣнокосовъ. По тревогѣ Слѣпцовъ собралъ на покосныхъ мѣстахъ казаковъ до 60 разныхъ командъ, присоединилъ къ нимъ ракетную команду, лично бросился на перерѣзъ партіи, гнавшей скотъ по открытому полю въ лѣсъ ниже Чиль–Чихи и догналъ ее во время, когда еще стада и табунъ не вошли въ лѣсъ. Атаковать непріятеля, и отбить отъ него всю захваченную имъ добычу сполна, было дѣломъ минуты. Между тѣмъ сотня Горскаго казачьяго полка, находившаяся на фуражировкѣ, присоединилась къ Слѣпцову, подъ начальствомъ войсковаго старшины Шилинга, а вслѣдъ за этимъ, прибылъ адъютантъ Главнокомандовавшаго, подполковникъ графъ *Галатери* съ 30-ю казаками разныхъ командъ, которыхъ онъ собралъ въ станицѣ на Ассѣ. Въ продолженіи всего этого времени Чеченцы, пользуясь превосходствомъ въ числѣ, не переставали упорно нападать и только съ постепеннымъ усиленіемъ нашихъ командъ начали подаваться къ лѣсу. Наконецъ, когда показалась пыль къ сторонѣ станицы Михайловской, возвѣщавшая приближеніе казаковъ станицъ, водворенныхъ на рѣкѣ Сунжѣ, непріятель бросился въ лѣсъ, на присоединеніе къ ожидавшей его тамъ пѣхотѣ. Слѣпцовъ настигъ партію на самой переправѣ чрезъ Ассу. Доброконные съ значками успѣли переправиться, но хвостъ партіи былъ отбитъ отъ настоящей переправы; — казаки принудили Чеченцевъ бросаться съ обрыва въ рѣку, рубили и топили ихъ. 17 непріятельскихъ тѣлъ привезены въ станицу; кромѣ отбитаго въ большомъ числѣ оружія, сто лошадей съ сѣдлами остались въ нашихъ рукахъ и, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ лазутчиками, потеря неріятеля, одними убитыми, простиралась до 50 человѣкъ. Съ нашей стороны было убито казаковъ 9, и ранено 7. Въ строю находились только 390 казаковъ разныхъ полковъ.

Вслѣдъ за этимъ Слѣпцовъ участвовалъ: 24-го іюля — въ набѣгѣ къ р. Шалажи; 18–го августа — въ преслѣдованіи партіи, напавшей на команду косцевъ при Нестеровскомъ укрѣпленіи; и 11–го сентября — при нападеніи непріятеля на Ассинскую станицу имѣлъ блистательное дѣло, кончившееся разбитіемъ Чеченцевъ, которыхъ онъ съ Сунженскими казаками преслѣдовалъ до Черныхъ Горъ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ неутомимый Слѣпцовъ и его храбрые казаки произвели сами нападеніе на Чеченцевъ, увѣнчавшееся совершеннымъ успѣхомъ. Рѣшившись истребить наиболѣе враждебные аулы Карабулаковъ, которыхъ разбои и хищничества постоянно тревожили Сунженскую линію, онъ, 14-го числа этого мѣсяца, собралъ въ станицѣ Сунженской десять ротъ Тангинскаго и Навагинскаго пѣхотныхъ полковъ, 1½ сотни Донскаго № 19-го полка, одну сотню Кавказскаго, одну сотню Горскаго и пять сотенъ Сунженскаго линейныхъ казачьихъ полковъ, два орудія Донской конно-казачей № 3-й батареи и два орудія 11-й гарнизонной бригады, и выступивъ въ 8 часовъ вечера, по направленію къ аулу Аршты, расположился ночевать при входѣ въ Карабулакскій лѣсъ у переправы чрезъ оврагъ Чумулго. Трудность дальнѣйшей дороги чрезъ лѣсъ заставила оставить на этой позиціи артиллерію подъ прикрытіемъ шести ротъ пѣхоты и 180 казаковъ; съ остальными-же войсками Слѣпцовъ тронулся впередъ и, не смотря на мѣстныя препятствія, достигъ оврага Фотона, на противоположномъ берегу котораго были раскинуты карабулакскіе аулы. Казаки были открыты непріятелемъ прежде, нежели всѣ войска успѣли стянуться къ выходу изъ лѣса, что и заставило Слѣпцова замѣнить силу быстротою дѣйствія. Раздѣливъ передовыя три съ половиною сотни на двѣ части, онъ смѣло спустился въ оврагъ; Генеральнаго Штаба подполковникъ Гросманъ и Сунженскаго полка сотникъ Томашевскій понеслись въ обѣ стороны и мгновенно обхватили аулы; все, что попалось подъ руку казакамъ было истреблено; чтобъ не затруднить отступленіе, обременивъ колонну добычею, взято только 100 штукъ рогатаго скота для порцій.

Между тѣмъ подошла пѣхота и остальная кавалерія, что дало возможность Слѣпцову отдѣлить сотника Старицкаго съ одною сотнею для нападенія на аулъ Аршты, гдѣ жилъ извѣстный главный разбойникъ Мустафа: жилище его было истреблено и самъ онъ изрубленъ казаками.

Исполнивъ цѣль своего набѣга, Слѣпцовъ началъ отступленіе. Добычу, подъ прикрытіемъ одной роты и трехъ съ половиною сотенъ, онъ отправилъ впередъ, а самъ съ

остальными войсками остался въ арріергардѣ. Дорога, проходящая густымъ лѣсомъ, была пересѣчена завалами, въ которыхъ засѣли собравшіеся Карабулаки, подкрѣпленные Чеченцами. Войска должны были штыками прокладывать себѣ путь, при неумолкаемой мѣткой пальбѣ изъ лѣса, что принудило Слѣпцова усилить боковыя цѣпи спѣшенными казаками. Не смотря на дерзость непріятеля и мѣстность, доставлявшую ему всѣ выгоды, войска бодро прошли 5 верстъ. Осталось всего полторы версты тѣсной дороги, но патроны уже были почти всѣ разстрѣлены и подкрѣпленіе было необходимо. Исправлявшій должность адъютанта Сунженскаго полка, сотникъ Предимировъ далъ знать о томъ подполковнику Гросману, возвратившемуся уже на позицію при Чумулго. Двѣ роты поспѣшно прибыли на встрѣчу къ главной колоннѣ и, съ появленіемъ ихъ, прекратилось преслѣдованіе непріятеля.

Потеря наша въ этомъ довольно горячемъ дѣлѣ состояла изъ 17 убитыхъ нижнихъ чиновъ и ранеными трехъ оберъ-офицеровъ и 63 нижнихъ чиновъ. По вѣрнымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ лазутчиковъ, потеря непріятеля была весьма значительна; истреблены всѣ надежные люди Карабулакскаго племени; въ нашихъ рукахъ остался одинъ значекъ и много разной добычи.

Слѣпцовъ отзывался съ особенною похвалою о 2-й гренадерской ротѣ Тенгинскаго пѣхотнаго полка, 2-й гренадерской и 4-й мушкетерской Навагинскаго полка, а равно о 1-й, 2-й и 4-й сотняхъ Сунженскаго и сотни Донскаго № 19-го полковъ. Маіоръ Артемьевъ, равно какъ и всѣ офицеры, находясь постоянно въ рядахъ своихъ подчиненныхъ, примѣромъ своимъ много способствовали успѣху дѣла.

За отличіе, оказанное въ этихъ дѣлахъ, Слѣпцовъ Всемилостивѣйше награжденъ, въ 31-й день марта 1848 года, 1500 руб. сер. единовременно.

Наконецъ, когда въ ноябрѣ генералъ-лейтенантъ Фрейтагъ вступилъ съ сильнымъ отрядомъ въ Чечню и приступилъ къ дѣланію просѣкъ, рубкѣ лѣсовъ и истребленію нѣкоторыхъ ауловъ, неутомимый Слѣпцовъ, получа достовѣрныя свѣдѣнія, что всѣ наибы Малой Чечни съ своими партіями находятся на рѣкѣ Урусъ-Мартанѣ, для наблюденія за дѣйствіями нашихъ войскъ, скрытно собралъ въ укрѣпленіи Ачкоевскомъ отрядъ и выступилъ къ сильному по народонаселенію аулу у Маханъ-Юрта, расположенному на правомъ берегу рѣки Валерика. По прибытіи туда на разсвѣтѣ 12-го декабря, онъ внезапно и съ полнымъ успѣхомъ атаковалъ аулъ. Значительная часть сопротивлявшихся Чеченцевъ погибла, аулъ преданъ огню, 22 плѣнныхъ, до 300 штукъ рогатаго скота, множество оружія и вещей остались въ нашихъ рукахъ.

26-го января 1848 года Слѣпцовъ, въ отрядѣ полковника Вревскаго, совершилъ движеніе изъ укрѣпленія Ачкоевскаго для поиска въ Малую Чечню, и съ казаками 1-го Сунженскаго полка произвелъ быстрое нападеніе на хутора Новый и Старый Гехинъ-Кожъ, Течень-Юртъ и Берды-Юртъ, истребилъ эти аулы и участвовалъ въ упорномъ бою и отраженіи непріятеля при обратномъ слѣдованіи отряда.

10-го марта, подъ личнымъ начальствомъ Слѣпцова, произведенъ блистательный набѣгъ къ Гехинской полянѣ, при чемъ отбито большое количество непріятельскаго скота и удачно отражены Чеченцы, которые пытались его возвратить; а 9-го апрѣля совершенъ новый успѣшный набѣгъ отъ Ачкоевскаго укрѣпленія къ рѣкѣ Валерику и выселенъ въ наши предѣлы покорившійся аулъ Алтемиръ-Юртъ.

Съ 7-го по 18-е августа 1848 года, князь Воронцовъ снова осматривалъ часть Верхне-Сунженской линіи, центра и праваго фланга, и остался совершенно доволенъ вполнѣ удовлетворительнымъ состояніемъ находившихся тамъ войскъ, какъ въ отношеніи фронтоваго образованія, такъ и бодраго и веселаго вида нижнихъ чиновъ. Особенное вниманіе Главнокомандовавшаго обратили 1-й Сунженскій и 1-й и 2-й Лабинскіе полки, которые, не смотря на недавнее свое сформированіе, ни въ чемъ не уступали старымъ полкамъ Кавказскаго линейнаго казачьяго войска и служили уже на Сунженской и Лабинской линіяхъ твердымъ оплотомъ нашихъ предѣловъ противъ враждебныхъ племенъ. Новыя тогда станицы: Ассинская (на рѣкѣ Ассѣ), Магометъ Юртовская (въ Малой Кабардѣ) и Константиновская (на Чамлыкѣ), водворенныя только въ прошедшемъ году, отличались удобнымъ помѣщеніемъ и хорошимъ хозяйствомъ вновь поселенныхъ казаковъ, которые успѣли уже сдѣ-

латься грозою немирныхъ племенъ *). Вслѣдствіе всего этого, Слѣпцовъ, 5-го сентября 1849 года, «за отличіе, оказанное въ дѣлахъ 1847 и 1848 года», Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ Св. Владиміра 3 степени. Въ 1849 году отрядъ, ввѣренный Слѣпцову, 11 августа поразилъ у станицы Ассинской партію хищниковъ, прокрадывавшуюся къ Сунженской станицы; 25-го того-же мѣсяца — нанесъ сильное пораженіе Чеченцамъ, напавшимъ на аулъ Казакъ-Кичу, а 30-го участвовалъ въ отраженіи непріятельской партіи, напавшей на команду Навагинскаго пѣхотнаго полка близъ укрѣпленія Нестеровскаго.

Успѣшныя дѣйствія наши къ усмиренію Малой Чечни упрочили безопасность Владикавказскаго округа и Военно-Грузинской дороги; но, къ юго-востоку отъ этой дороги, неприступное Галашевское ущелье оставалось еще притономъ хищниковъ. Прорывы ихъ, хотя малыми партіями, въ предѣлы наши требовали наказанія и для укрощенія дерзости было необходимо проложить въ это ущелье путь, во всякое время нашимъ войскамъ доступный. Слѣпцовъ былъ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ генералъ-маіора Ильинскаго, которому Главнокомандующій поручилъ достиженіе этой двоякой цѣли.

Съ 5 на 6 ноября онъ, съ отрядомъ пѣхоты и казаковъ, произвелъ смѣлую рекогносцировку путей, ведущихъ въ Галашевское ущелье; а 23-го совершилъ быстрое и смѣлое движеніе отъ станицы Сунженской на соединеніе съ главнымъ отрядомъ къ рѣкѣ Пфутону, при чемъ прошелъ 60 верстъ въ 25 часовъ, и участвовалъ въ истребленіи Арштинскихъ хуторовъ и въ пораженіи на рѣкѣ Пфутонѣ непріятеля, атакованнаго съ двухъ сторонъ. Генералъ-маіоръ Ильинскій въ донесеніи объ этомъ дѣлѣ отзывался съ особенною похвалою о Слѣпцовѣ.

Вслѣдъ за тѣмъ Шамиль, узнавъ, что часть Галашевскихъ ауловъ выдала намъ аманатовъ и, желая предупредить покорность остальныхъ, направилъ къ нимъ сильное сборище, подъ предводительствомъ Акинскаго и Шатаевскаго наибовъ.

Для уничтоженія этихъ замысловъ, генералъ-маіоръ Ильинскій двинулъ вверхъ по Ассѣ къ аулу Цоки-Юрту колонну изъ 3-хъ баталіоновъ пѣхоты, 7-ми сотенъ кавалеріи, при 2-хъ горныхъ орудіяхъ и пѣшей ракетной командѣ, подъ начальствомъ Слѣпцова, и онъ ознаменовалъ удачно начатую экспедицію въ землю Галашевцевъ новымъ славнымъ подвигомъ.

12-го декабря, на разсвѣтѣ, Слѣпцовъ, оставивъ пѣхоту нѣсколько назади, съ одною кавалеріею проскакавъ это разстояніе, обошелъ горцевъ съ фронта, безвредно отъ ихъ выстрѣловъ, пользуясь крутымъ уступомъ берега Ассы, и стремительно атаковалъ лѣвый ихъ флангъ. Не давъ имъ опомниться, Сунженскіе казаки, а съ ними и остальная кавалерія и милиція (и даже вновь покорившіеся Галашевцы) опрокинули передовой отрядъ и главный резервъ непріятеля. Но, на пути отступленія, онъ занялъ другую позицію у аула Коргой-Юрта. Здѣсь дружная и молодецкая атака казаковъ рѣшила дѣло; сборище (числомъ до 3,000 человѣкъ) было сбито и обращено въ совершенное бѣгство. Живо преслѣдуемые нашею кавалеріею и объятые паническимъ страхомъ, горцы искали спасенія въ лѣсахъ и балкахъ, бросая лошадей и оружіе. Преслѣдованіе продолжалось почти до аула Датыха, въ самыхъ верховьяхъ Бумутскаго ущелья, и прекращено было только по совершенному изнуренію коней.

Въ этомъ кавалерійскомъ дѣлѣ, по оффиціальнымъ отзывамъ *), *одномъ изъ самыхъ блистательныхъ въ исторіи нашихъ кавказскихъ экспедицій, полковникъ Слѣпцовъ показалъ образецъ смѣлаго, но искуснаго и хорошо разсчитаннаго употребленія кавалеріи*, а казаки, въ особенности 1-го Сунженскаго полка, покрыли себя новою славою. Въ рукахъ нашихъ остались два значка, тридцать плѣнныхъ, болѣе трехъ сотъ изрубленныхъ тѣлъ, до трехъ сотъ лошадей съ сѣдлами, болѣе четырехъ сотъ винтовокъ и множество другаго оружія.

Съ нашей стороны было только трое раненыхъ казаковъ; эта незначительная потеря объясняется быстротою и неожиданностію натиска.

---

*) *Кавказъ* 1847 г., № 138, оффиц.

*) *Русскій Инвалидъ* 1850 г., № 4.

Пѣхота, подъ командою полковника Веревкина, прибыла на поле сраженія уже послѣ пораженія непріятеля; но она прикрыла обратное движеніе колонны, которое было совершено въ примѣрномъ порядкѣ.

Послѣдствіемъ этого дѣла было то, что остальные Галашевцы спѣшили изъявить покорность, и самый упорный въ непокорности аулъ Адель-Гирея выдалъ аманатовъ безъ всякаго сопротивленія. Конечно, къ тому содѣйствовала и вырубка просѣки, открывшей намъ доступъ въ ихъ ущелье со стороны Сунженской линіи.

Государь Императоръ *въ ознаменованіе особеннаго Монаршаго благоволенія* къ 1-му Сунженскому линейному казачьему полку, *за отличное мужество и храбрость во многихъ дѣлахъ противъ непокорныхъ горцевъ*, Высочайшимъ приказомъ по Военному вѣдомству, 6-го января 1850 года, Всемилостивѣйше пожаловалъ этому полку знамя, съ надписью: «За отличные подвиги при покореніи Малой Чечни въ 1849 году.» Храбрый-же полковой командиръ, чрезъ двѣ недѣли, Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Георгія 4 степени, «въ награду,» какъ сказано въ Высочайшемъ Именномъ указѣ, данномъ Капитулу Орденовъ, 19-го января 1850 года, «благоразумныхъ распоряженій, отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ въ дѣлахъ съ горцами при движеніи съ ввѣренною ему колонною по Бумутскому ущелью, и при пораженіи и преслѣдованіи непріятельскихъ партій, подступившихъ, въ числѣ болѣе трехъ тысячъ человѣкъ, къ покорившемуся намъ аулу Цоки-Юртъ.» Кромѣ того, выданные Слѣпцову заимообразно, изъ казенныхъ суммъ, 5000 рублей серебромъ, сложены съ него, по Высочайшему повелѣнію, 5 января 1850 года, «въ награду за усердную и полезную его службу и за отличные подвиги, оказанные имъ въ неоднократныхъ дѣлахъ противъ горцевъ и въ особенности при покореніи Малой Чечни.»

Въ первую половину 1850 года Слѣпцовъ ознаменовалъ себя также нѣсколькими замѣчательными дѣлами. 5-го января онъ собралъ отрядъ, подъ личнымъ своимъ начальствомъ, для защиты Галашевцевъ и Карабулакъ отъ покушеній чеченскихъ наибовъ, съ которымъ 6-го занялъ позицію на рѣкѣ Алгузъ-Али. Отсюда, 9-го, онъ произвелъ смѣлый и удачный набѣгъ къ Датыху, для наказанія жителей; занялъ этотъ аулъ, разорилъ аулы на рѣкѣ Фортангѣ, взялъ аманатовъ отъ непокорныхъ селеній и, 11-го, возвратился на Аргузъ-Алинскую позицію.

4-го февраля, двинувшись снова въ землю Галашевцевъ, но уже для наказанія измѣнившихъ намъ ауловъ, Слѣпцовъ, въ тотъ же день занялъ аулъ Изекъ; 7-го поразилъ партію хищниковъ, переправившихся чрезъ рѣку Натхой; 17-го произвелъ удачный набѣгъ на аулъ Ясанъ-Юртъ, истребилъ его и прилежащіе хутора, отбилъ значительное количество скота и имѣлъ жаркое дѣло съ горцами, за отличіе въ которомъ удостоился получить Именное Монаршее благоволеніе, объявленное въ Высочайшемъ приказѣ 11-го декабря 1850 года.

8-го мая, Слѣпцовъ имѣлъ перестрѣлку съ партіею хищниковъ у Самашинской переправы и удачно ихъ преслѣдовалъ до рѣки Шалахи; а въ концѣ іюля производилъ рубку лѣса въ Галашевскомъ ущельѣ, при перестрѣлкахъ со стороны горцевъ.

Но всѣ эти дѣла, принадлежащія первымъ семи мѣсяцамъ 1850 года, далеко уступаютъ подвигу, совершенному Слѣпцовымъ въ августѣ мѣсяцѣ.

Просѣка, вырубленная нашими войсками зимою 1849—50 года отъ крѣпости Воздвиженской къ Шалинской полянѣ, сильно встревожила Шамиля, потому что поле это считается главною житницею Большой Чечни и части нагорнаго Дагестана; къ тому-же, съ открытіемъ новаго сообщенія, онъ могъ ожидать внезапнаго набѣга отряда на тогдашнее его убѣжище, аулъ Веденъ.

Чтобы успокоить Чеченцевъ и преградить входъ къ мѣстопребыванію своему, Шамиль весною 1850 года устроилъ, при выходѣ изъ просѣки, цѣлую укрѣпленную линію, простиравшуюся на $4\frac{1}{2}$ версты, пересѣкая эту новую дорогу и лѣсъ по обѣимъ ея сторонамъ.

Ровъ предъ фронтомъ укрѣпленія имѣлъ до $3\frac{1}{2}$ саженъ глубины, около $2\frac{1}{2}$ саженъ ширины и наполнялся водою изъ рѣчки Шали; брустверъ, высотою въ 14 футовъ, состоялъ изъ щебня, перемѣшаннаго утрамбованною землею. На кронѣ его поставлены туры, наполненные также землею съ щебнемъ и образовавшіе сплошную массу, которую

почти нельзя было разрушить дѣйствіемъ артиллеріи; частыя амбразуры были продѣланы между турами для ружейнаго огня. По краямъ просѣки находились двѣ полукруглыя башни для дѣйствія артиллеріи. Лѣвый флангъ противъ обходовъ обезпечивался валомъ, въ видѣ тенальнаго фронта, вдавшимся въ лѣсъ болѣе нежели на полверсты, и на его оконечности былъ возведенъ редутъ наиба Талчики, съ помѣщеніемъ для значительнаго гарнизона и лошадей кавалеріи и артиллеріи.

За этимъ грознымъ окопомъ Шамиль и Чеченцы думали быть въ безопасности отъ нашихъ нападеній. Разсчеты ихъ оказались ошибочными. При самомъ началѣ работъ, генералъ-маіоръ Козловскій сдѣлалъ удачное движеніе отъ крѣпости Воздвиженской и разрушилъ ихъ укрѣпленіе. Но впослѣдствіи Шамиль его возобновилъ и еще усилилъ съ огромными трудами и работами, которыя возбудили общій ропотъ какъ между Дагестанцами, такъ и между самими Чеченцами. Однако и эти новые верки не могли остановить отваги Сунженскихъ казаковъ и храбраго ихъ начальника.

Укрѣпленіе охранялось всегда большими караулами и толпами, прибывшими изъ нагорнаго Дагестана. Другое сборище, въ августѣ мѣсяцѣ 1850 года, направилось противъ отряда генералъ-маіора Козловскаго, который вырубалъ просѣку отъ укрѣпленія Куринскаго къ Мичику, для обезпеченія еще одного входа въ Большую Чечню. Чтобы ослабить сопротивленіе непріятеля, генералъ-маіоръ Козловскій, по данному ему отъ князя Воронцова разрѣшенію, просилъ генерала Ильинскаго произвести диверсію со стороны Верхне-Сунженской линіи. Генералъ Ильинскій поручилъ это дѣло Слѣпцову, «извѣстному по своей предпріимчивости и постояннымъ успѣхамъ,»—прибавляетъ Главнокомандовавшій въ своемъ приказѣ *), и послѣдній рѣшился овладѣть Шалинскимъ укрѣпленіемъ, хотя «разсчитывалъ, что атака этихъ линій, стоившихъ непріятелю столько трудовъ и издержекъ, непремѣнно привлечетъ на этотъ пунктъ силы его, собранныя на рѣкѣ Мичикѣ **).»

*) Приказъ по Отдѣльному Кавказскому Корпусу отъ 4-го сентября 1850 г.

**) Тамъ же.

Такое *отважное* *) предпріятіе требовало большей осторожности, потому что для подобнаго движенія нужно было снять по крайней мѣрѣ на пять дней всѣ кавалерійскіе резервы съ Сунжи, въ то время, какъ значительныя партіи постоянно были въ сборѣ, съ цѣлью тревожить эту часть нашего кордона и волновать покорившихся намъ Галашевцевъ и Карабулаковъ. Необходимо было поставить непріятеля въ недоумѣніе, на какой пунктъ будетъ произведено нападеніе. Съ этимъ намѣреніемъ Слѣпцовъ сосредоточилъ сначала особый летучій отрядъ на р. Ассѣ, будто для набѣга въ горную часть Малой Чечни, или въ ущелье Фортанги, а въ ночь съ 20 на 21 августа притянулъ его скрытно къ ст. Михайловской, изъ которой выступилъ окольными путями по направленію къ кр. Грозной, съ семью ротами пѣхоты, 700 казаковъ, 230 милиціонерами, 2 конными орудіями и ракетною командою.

Съ разсвѣтомъ 21 ч., конница съ орудіями подошла къ кургану Трехъ Братьевъ, развернула значки и вслѣдъ за тѣмъ скрылась быстро въ трущобахъ около Алханъ-Юрта, а пѣхота, утомленная отъ быстраго движенія за казаками, возвращена была, въ виду чеченскихъ пикетовъ, назадъ въ ст. Михайловскую. Обманутый этимъ маневромъ непріятель увѣрился, что нападеніе будетъ сдѣлано на одно изъ ущелій между Гойтою и Фортангою, а потому всѣ его партіи, собранныя въ Малой Чечнѣ, разошлись по домамъ и, не видя болѣе отряда, въ страхѣ ожидали, въ продолженіи двухъ дней, появленія нашихъ войскъ въ одномъ изъ своихъ ауловъ.

Вечеромъ, того же числа, Слѣпцовъ съ кавалеріею и орудіями переправился чрезъ Сунжу и Мартанъ и, слѣдуя по затруднительнымъ лѣснымъ дорогамъ на бывшіе Алдинскіе хутора, къ 11 часамъ ночи прибылъ, никѣмъ не замѣченный, въ скрытное мѣсто близъ Ханъ-Кальскаго ущелья, гдѣ и далъ войскамъ краткій отдыхъ. Сюда прибылъ къ нему на подкрѣпленіе изъ Грозной подполковникъ Берсеневъ съ тремя ротами пѣхоты и сотнею Дунайскихъ казаковъ.

*) Эпитетъ, приданный ему въ томъ же приказѣ; въ формуляръ Слѣпцова онъ внесенъ съ прилагательнымъ *смѣлый*.

На разсвѣтѣ, 22-го августа, въ священный день коронованія незабвеннаго Государя, весь этотъ отрядъ переправился чрезъ быструю рѣку Аргунъ и пять ея рукавовъ, при большомъ ея полноводьи, и здѣсь только былъ открытъ непріятельскими пикетами, которые тотчасъ распространили тревогу по Чечнѣ и завязали перестрѣлку во время затруднительной переправы, но не могли задержать движенія нашихъ войскъ, шедшихъ къ Шали.

Въ 6 часовъ утра они были уже въ двухъ верстахъ отъ укрѣпленнаго вала, занятаго 500 горцами при одномъ орудіи, подъ предводительствомъ наибовъ Талгика и Лабазана. Непріятель могъ собраться еще въ большихъ силахъ, подвергнуть отрядъ значительной потерѣ, а потому Слѣпцовъ рѣшился, не медля, кончить дѣло однимъ ударомъ. Устроивъ кавалерію передъ укрѣпленіемъ, онъ отправилъ есаула Предимирова съ двумя сотнями и частью ракетной команды къ лѣвому флангу окоповъ, дабы завязать перестрѣлку и отвлечь вниманіе Чеченцевъ; самъ лично повелъ въ атаку пѣхоту въ лѣсъ противъ оконечности праваго фланга сихъ окоповъ. Она встрѣчена была пѣснями мюридовъ и залпомъ изъ ружей, но, не смотря на убійственный огонь, обѣ линейныя роты и рота егерскаго имени князя Воронцова полка, одушевляемыя примѣромъ своихъ начальниковъ, съ крикомъ «ура!»—быстро кинулись на штурмъ и овладѣли этою частью укрѣпленія. Оставивъ здѣсь роту пѣхоты, Слѣпцовъ послалъ Генеральнаго Штаба капитана барона Сталя, съ остальными двумя ротами вдоль по банкету, къ лѣвому флангу, гдѣ они были вновь встрѣчены сильнымъ ружейнымъ огнемъ и пушечными выстрѣлами изъ сомкнутаго укрѣпленія Шалгика. Однакожъ усилія Чеченцевъ были тщетны, потому что, почти въ одно время съ пѣхотою, есаулъ Предимировъ, поддержанный Дунайскою сотнею, съ свойственною ему рѣшительностію, бросился на приступъ съ спѣшенными казаками, и непріятель, атакованный съ двухъ сторонъ, поспѣшно бѣжалъ въ лѣсъ, увезя заблаговременно орудіе. Въ тоже время двинулась остальная кавалерія прямо къ фронту бруствера; казаки и милиціонеры спѣшились, перелѣзли чрезъ ровъ и начали заваливать оный раскидными турами, землею и снѣгомъ, такъ что чрезъ часъ времени устроенъ былъ удобный въѣздъ въ укрѣпленіе, а вслѣдъ за тѣмъ и два другіе.

Въ 10 часовъ утра отрядъ подкрѣпленъ былъ командою полковника Ушакова, высланнаго изъ кр. Воздвиженской, которая занялась скорѣйшимъ разрушеніемъ главныхъ верковъ и устройствомъ широкихъ всходовъ, ибо о разрушеніи всего нельзя было и думать, по огромности работъ, да въ томъ и не было надобности, коль скоро Чеченцы убѣдились, что онъ не можетъ служить для нихъ защитою.

Между тѣмъ пушечные выстрѣлы на Шалинской полянѣ распространили тревогу въ Большой Чечнѣ: партіи начали собираться даже съ Мичика; онѣ засѣли за валами въ лѣсу и въ высокомъ бурьянѣ и завязали жаркую перестрѣлку съ пѣхотою, занимавшею оба фланга укрѣпленія, а главная масса (2500 человѣкъ конныхъ и пѣшихъ при одномъ орудіи) расположилась въ 800 саж. отъ нашей позиціи, отдѣленная отъ оной болотомъ и весьма пересѣченною мѣстностью, и открыла артиллерійскій огонь. Чтобы наказать дерзость горцевъ, Слѣпцовъ немедленно построилъ всю кавалерію въ двѣ колонны противъ обоихъ фланговъ вала, и двинулъ ихъ дружно и быстро въ атаку, поддерживая каждую изъ нихъ двумя ротами пѣхоты, которыя подъ командою подполковниковъ Ушакова и Берсенева, слѣдовали вдоль опушки лѣса, для прикрытія возвращенія казаковъ. Не смотря на мѣткій огонь непріятеля, бой былъ непродолжительный: едва блеснули шашки храбрыхъ Сунженскихъ казаковъ, а вслѣдъ за ними штыки слѣдовавшихъ по пятамъ ихъ неутомимыхъ егерей, какъ толпы Чеченцевъ, не выдержавъ удара, разбѣжались по всѣмъ направленіямъ, и кавалерія гнала ихъ на разстояніи 10 верстъ по перелѣскамъ и полянамъ; наконецъ утомленіе лошадей, не имѣвшихъ почти отдыха въ продолженіе двухъ дней, заставило прекратить преслѣдованіе, и когда кавалерія вступила съ пѣснями въ укрѣпленіе, Чеченцевъ уже не было видно и перестрѣлка со стороны ихъ совершенно прекратилась.

Къ 3 часамъ по полудни дѣло было кончено; въ это время прибыла изъ кр. Воздвиженской другая колонна, подъ командою генералъ-маіора барона Меллера-Закомельскаго, которая совмѣстно съ прочими войсками разрушила изъ укрѣпленнаго вала все, что можно было уничтожить до

ночи. Къ вечеру всѣ воротились въ кр. Воздвиженскую, а на другой день отрядъ Слѣпцова пошелъ къ Сунжѣ, по такъ называемой Русской дорогѣ чрезъ Малую Чечню.

Въ этомъ столь блистательномъ набѣгѣ, одномъ изъ отважнѣйшихъ кавалерійскихъ дѣлъ на Кавказѣ, говорилъ князь Воронцовъ, въ своемъ приказѣ по Корпусу *), всѣ распоряженія были такъ хорошо разсчитаны полковникомъ Слѣпцовымъ и ударъ казаковъ былъ такъ рѣшителенъ и быстръ, что непріятель не успѣлъ опомниться и оттого потеря съ нашей стороны весьма незначительна. Она состоитъ изъ 8 убитыхъ нижнихъ чиновъ, и раненыхъ: 1 обера-офицера и 37 нижнихъ чиновъ. Уронъ Чеченцевъ былъ весьма великъ, и между прочимъ тяжело раненъ начальникъ укрѣпленія Талгикъ, одинъ изъ наиболѣе предпріимчивыхъ наибовъ Шамиля.

Дѣло это останется на долго въ памяти Чеченцевъ **) и послѣдствія его важны тѣмъ, что оно доказало Шамилю, что устроенные имъ съ такими трудами окопы, пожертвованіемъ и обремененіемъ народа, не могутъ противостать не только дѣйствію сильныхъ отрядовъ, но даже и кавалерійскому набѣгу, и что онъ долженъ отказаться отъ обладанія Шалинскою поляною, столь необходимою, даже для Дагестанцевъ. Онъ увидѣлъ, что, очистивъ совершенно Малую Чечню отъ непріятеля, резервы наши на Сунжѣ сдѣлаются грозою Большой Чечни.

Князь Воронцовъ, вмѣняя себѣ въ особенное удовольствіе объявить по войскамъ ввѣреннаго ему Корпуса объ этомъ *смѣломъ и вполнѣ молодецкомъ подвигѣ****), изъявилъ свою душевную признательность *храброму и распорядительному* ****) начальнику отряда, полковнику Слѣпцову, отважности, знанію мѣстности и благоразумію коего въ особенности онъ приписывалъ успѣхъ этой экспедиціи, и благодарилъ наиболѣе отличившихся Гг. штабъ и оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ.

Въ заключеніе приказа Главнокомандовавшій пріятнымъ долгомъ считалъ изъявить свою признательность начальнику Владикавказскаго Округа, генералъ-маіору *Ильинскому*, за столь охотное и немедленное исполненіе просьбы генералъ-маіора Козловскаго *и за выборъ для совершенія этого предпріятія полковника Слѣпцова, который*, по выраженію князя Воронцова *), *въ теченіи пяти лѣтъ существованія ввѣренной ему линіи никогда не упустилъ ни одного случая особенно отличиться и оказалъ уже столько важныхъ заслугъ*. Такую же признательность онъ изъявлялъ и генералъ-маіору барону *Меллеру-Закомельскому*, который по первому извѣщенію Слѣпцова отправилъ къ нему на подкрѣпленіе колонну подполковника Ушакова, а вслѣдъ за тѣмъ самъ пришелъ къ нему съ остальными войсками изъ кр. Воздвиженской и участвовалъ въ *этомъ блистательномъ и полезномъ дѣлѣ* **).

Государь Императоръ наградилъ Слѣпцова за этотъ отличный подвигъ чиномъ генералъ-маіора, въ который онъ произведенъ Высочайшимъ приказомъ по Военному вѣдомству 10-го сентября 1850 года, «за отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ», съ оставленіемъ начальникомъ Верхне-Сунженской линіи и по кавалеріи.

Наконецъ, въ этомъ году Сунжа удостоилась посѣщенія нынѣ благополучно-царствующаго Владыки Россіи. При этомъ произошелъ случай, о которомъ не можемъ удержаться, чтобы не сказать и здѣсь: чувство, внушаемое имъ, понятно для каждаго Русскаго, и особенно дорого для Кавказскаго Корпуса.

Государь Императоръ, тогда Наслѣдникъ Цесаревичъ, 26-го октября изволилъ слѣдовать изъ крѣпости Воздвиженской чрезъ Урусъ-Мартанъ въ укрѣпленіе Ачхой, по такъ называемой *Русской дорогѣ*. Отрядъ, сопровождавшій Его Величество въ боевомъ порядкѣ чрезъ эту сторону, недавно еще населенную непокорными племенами, а тогда уже отторгнутую оружіемъ нашихъ войскъ изъ рукъ упорнаго врага, и преимущественно трудами Слѣпцова, съ жад-

*) Тамъ же.

**) Слова того же приказа.

***) Эпитетъ, приданный тѣмъ же приказомъ.

****) Слова того же приказа.

*) Тамъ же.

**) Эпитетъ, приданный въ томъ же приказѣ.

ностію ждалъ только случая повторить, въ глазахъ Государя, подвиги, ознаменовавшіе войска наши въ Малой Чечнѣ. Свѣжи въ памяти каждаго были воспоминанія упорныхъ боевъ на рѣкахъ Гойтѣ, Рашни, Гехахъ и Валерикѣ, но непріятель нигдѣ не показывался, и Августѣйшій Посѣтитель ѣхалъ по Малой Чечнѣ, какъ по вѣрной Ему Русской странѣ.

Наконецъ, совершенно неожиданный случай въ то время, когда отрядъ находился между рѣками Рошнею и Валерикомъ и на этой послѣдней уже видны были войска Владикавказскаго округа, пришедшія на встрѣчу Государя,—прибавилъ новый счастливый военный эпизодъ къ благополучному и благословенному Провидѣніемъ путешествію Его Императорскаго Величества. Малая непріятельская партія показалась на нѣкоторомъ разстояніи отъ лѣвой цѣпи нашей, впереди казаковъ, составлявшихъ авангардъ. Казаки и милиція изъ покорившихся намъ Чеченцевъ быстро бросились на нихъ. Государь, внимая только порыву Августѣйшей груди Своей, со свитою и казаками, составлявшими авангардъ, *быстро и смѣло* *) поскакалъ къ лѣсу, и былъ свидѣтелемъ малой стычки непріятеля съ казаками и милиціею. Настигнутые Чеченцы, сдѣлавъ залпъ изъ ружей и заведя перестрѣлку, бросились къ лѣсу. Предводитель этой партіи изрубленъ въ глазахъ Государя, и оружіе его поднесено къ Высочайшимъ стопамъ. Все это было дѣломъ минуты, и невольное безпокойство, стѣснившее грудь каждаго при мысли объ опасности, которой могъ подвергнуться Высокій Посѣтитель, уступило мѣсто радости и восторгу, при видѣ обожаемаго Наслѣдника Престола, участвовавшаго съ вѣрными Кавказскими войсками въ этомъ маломъ эпизодѣ боевой ихъ жизни. Но этотъ восторгъ Кавказцевъ вышелъ изъ всѣхъ предѣловъ, и навсегда запечатлѣлся въ ихъ сердцахъ, когда они узнали, что въ Бозѣ почивающій Государь Императоръ, удовлетворяя ходатайству ихъ Главнокомандовавшаго, Всемилостивѣйше пожаловалъ Государю Наслѣднику за это дѣло орденъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4-й степени. Кавказцы съ благоговѣніемъ чувствуютъ, что это отличіе храбрыхъ навсегда сроднило Владыку Россіи съ ихъ рядами.

Въ тотъ же день Его Величество прибылъ на ночлегъ въ укрѣпленіе Ачхай, и 27-го числа, осмотрѣвъ на пути поселенія храбраго Сунженскаго полка, ставшаго столь твердою ногою на недавно предъ тѣмъ враждебной намъ землѣ, прибылъ благополучно во Владикавказъ, а на другой день, 28-го, изволилъ отправиться въ Ставрополь и далѣе, сопровождаемый благословеніями всего края, который навсегда сохранитъ воспоминаніе о счастливомъ посѣщеніи Кавказа Государемъ.

Собственно для Слѣпцова эти дни составляли прекраснѣйшее вознагражденіе за его труды и подвиги. Государь Наслѣдникъ изволилъ остаться вполнѣ довольнымъ всѣмъ видѣннымъ и, по Его засвидѣтельствованію «объ отличномъ порядкѣ и примѣрномъ устройствѣ, въ которомъ найденъ Его Высочествомъ полкъ», Слѣпцовъ удостоился получить Именное Монаршее благоволеніе, объявленное 19-го декабря 1850 года.

Съ наступленіемъ зимы 1850—51 года, снова было приступлено, и съ большимъ успѣхомъ, къ вырубкѣ просѣкъ по важнѣйшимъ военнымъ сообщеніямъ въ Большой и Малой Чечнѣ.

Со стороны Владикавказскаго округа летучій отрядъ, собранный въ половинѣ декабря на Верхней Сунженской линіи подъ командою Слѣпцова, и состоявшій изъ $2\frac{1}{2}$ баталіоновъ пѣхоты, команды саперъ, шести сотенъ казаковъ съ ракетною командою и трехъ сотень милиціи, при двухъ орудіяхъ, приступилъ къ рубкѣ лѣса на дорогахъ отъ станицы Ассинской и укрѣпленія Ачхоевскаго къ разрушенному аулу Самашки и къ укрѣпленію Заканъ-Юрту на Верхней Сунжѣ. Работы производились безъ выстрѣла со стороны непріятеля, который въ то время отказался уже отъ владѣнія плоскостью Малой Чечни.

Но жители нагорной части, въ особенности аулы, поселенные въ верховьяхъ Фортанги, напротивъ, часто собирали хищническія партіи для покушенія противъ нашихъ предѣловъ и давали явно пристанище бѣглымъ и абрекамъ съ разныхъ мѣстъ.

*) Выраженіе Высочайшаго указа, даннаго 10 ноября 1850 г. Капитулу Орденовъ.

Чтобы наказать горцевъ за ихъ дерзость, Слѣпцовъ собралъ, въ ночи съ 5-го на 6-е января 1851 года, свой отрядъ на двухъ пунктахъ: въ станицѣ Ассинской и на рѣкѣ Алгуесъ-Али, и двинулъ главную массу кавалеріи, подъ командою подполковника Мезенцова, къ аулу Датыху, издавна слывшему, какъ гнѣздо самыхъ отважныхъ разбойниковъ, а самъ, съ пѣхотою и частію казаковъ, направился къ аулу Гандалъ-басу, въ томъ же ущельѣ. Ударъ, нанесенный подполковникомъ Мезенцовымъ аулу Верхне-Датыхскому, заставилъ и всѣ другіе аулы въ ущельѣ Фортанги, не исключая Гандаль-баса, склониться къ покорности, что и предупредило строгое наказаніе, ожидавшее ихъ отъ отряда Слѣпцова. Кончивъ столь удачно это дѣло и безъ всякой потери, летучій отрядъ, послѣ кратковременнаго отдыха на линіи, продолжалъ вырубку лѣсовъ.

Объявляя по войскамъ Корпуса объ этомъ, Главнокомандовавшій *) счелъ пріятнымъ долгомъ, какъ онъ выразился, изъявить свою совершенную признательность Слѣпцову.

Между тѣмъ, окопъ, отчасти уничтоженный въ прошломъ году Слѣпцовымъ, былъ возобновленъ въ третій разъ соединенными усиліями Чеченцевъ и жителей Дагестана, нарочно для того созванныхъ.

Для окончательнаго его уничтоженія и чтобы расчисткою окрестныхъ лѣсовъ проложить свободный во всякое время года путь во внутрь Большой Чечни, въ началѣ 1851 года назначенъ былъ отрядъ генералъ-маіора Козловскаго. Слѣпцовъ значительно способствовалъ успѣху дѣйствій этого генерала тѣмъ, что предупредилъ движеніе Хаджи-Мурата, предпринявшаго, съ отборною конницею, сдѣлать диверсію въ Большую Чечню. Двинувшись на встрѣчу непріятелю, онъ заставилъ наиба отказаться отъ такихъ замысловъ и строго наказалъ жителей Малой Чечни, принявшихъ сторону Шамиля.

Вслѣдъ за этимъ, Слѣпцову назначено было возвести двѣ новыя станицы, чтобы тѣмъ довершить линію отъ Назрана до крѣпости Грозной.

Въ враждебныхъ попыткахъ къ воспрепятствованію ходу работъ наиболѣе принимали участіе опять жители нагорной Чечни, въ надеждѣ на недоступность обитаемой ими мѣстности.

Чтобы положить этому конецъ, Слѣпцовъ произвелъ, 15-го іюня, наступательное движеніе двумя колоннами, состоявшими въ совокупности изъ 11-ти ротъ пѣхоты, 12-ти сотенъ казаковъ и 2-хъ сотенъ милиціи, при пяти орудіяхъ, съ ракетною командою.

Главная колонна, подъ личнымъ его начальствомъ, устремилась вверхъ по лѣсистому ущелью рѣки Гехи, гдѣ казаки и милиція, проскакавъ 7 верстъ, внезапно охватили передовые хутора тѣсно гнѣздившагося тамъ населенія, отогнали весь скотъ жителей и истребили ихъ имущество, обративъ въ бѣгство или захвативъ въ плѣнъ защищавшихъ его Чеченцевъ. Столь же удачно исполнила свое дѣло и другая колонна, которая, подъ командою войсковаго старшины Предимирова, быстро вторгнулась въ ущелье рѣки Шалажи, и также истребила или захватила все имущество жителей, разсѣянныхъ по хуторамъ.

Затѣмъ обѣ колонны, обремененныя добычею, предприняли отступленіе. Ожесточенные Чеченцы въ весьма значительныхъ силахъ атаковали, отчаянно и со всѣхъ сторонъ, наши цѣпи и аррьергардъ. Но стойкость пѣхоты и казаковъ, удачное дѣйствіе артиллеріи и ракетъ, отличный порядокъ, соблюдавшійся всѣми частями при обратномъ слѣдованіи эшелонами, и благоразумныя мѣры Слѣпцова, расположившаго сильные резервы пѣхоты при выходѣ изъ лѣса, сокрушили всѣ замыслы непріятеля.

На Шалинской полянѣ прекратилось дѣло, которое дорого стоило Чеченцамъ, потерявшимъ до 200 человѣкъ убитыми и ранеными, въ томъ числѣ извѣстнаго наиба Магометъ-Мирза Анзорова — раненаго и умершаго чрезъ нѣсколько дней.

Самъ Слѣпцовъ въ этотъ день былъ также раненъ — въ первый разъ — въ правое бедро, но къ счастію неопасно; кромѣ того съ нашей стороны убито 6 нижнихъ чиновъ и ранены: 4 оберъ-офицера и 47 нижнихъ чиновъ.

Заслуженное это наказаніе такъ сильно подѣйствовало на мятежныхъ жителей нагорной Чечни, что многіе изъ нихъ тотчасъ начали искать русскаго покровительства.

По засвидѣтельствованію Главнокомандовавшаго *объ от-*

*) Приказъ отъ 16 января 1851 г.

личной распорядительности и примѣрномъ мужествѣ, оказанныхъ при этомъ Слѣпцовымъ, Государь Императоръ, 17-го іюля того же года, Всемилостивѣйше пожаловалъ его кавалеромъ ордена Св. Станислава 1-й степени.

Наконецъ, 10-го декабря 1851 года, отрядъ Слѣпцова имѣлъ новое жаркое и блистательное дѣло съ непріятелемъ, на правомъ берегу рѣки Гехи, — бывшее послѣднимъ для героя.

Еще 7-го декабря, часа въ три пополудни, непріятель вывезъ одно орудіе на опушку лѣса, на правомъ берегу Гехи, и сдѣлалъ изъ него нѣсколько выстрѣловъ по лагерю отряда, расположеннаго въ Гехинскомъ ущельѣ. Канонада изъ нашихъ орудій заставила Чеченцевъ сейчасъ увести назадъ свою пушку. Слѣпцова не было въ то время въ лагерѣ; онъ ѣздилъ въ укр. Урусъ-Мартанъ. Возвратясь оттуда на другой день, онъ узналъ чрезъ лазутчиковъ, что непріятель намѣренъ снова сдѣлать попытку стрѣлять по лагерю, и что въ томъ мѣстѣ, куда Чеченцы вывозятъ свое орудіе, устроены ими огромные завалы. Вслѣдствіе того сдѣланы были Слѣпцовымъ слѣдующія распоряженія, чтобы выбить непріятеля изъ заваловъ и, если можно, захватить орудіе: одна колонна изъ спѣшенныхъ казачьихъ охотниковъ и 2-го Тенгинскаго баталіона должна была войти въ лѣсъ, идущій по правому берегу рѣки и, по первому выстрѣлу изъ непріятельскаго орудія, броситься на путь отступленія Чеченцевъ и штурмовать тамъ завалы. Центральная колонна, подъ личнымъ предводительствомъ генерала, изъ баталіона пѣхоты, двухъ сотень казаковъ и двухъ конныхъ орудій, по первому же выстрѣлу должна была кинуться по правому берегу рѣки, кавалерія впереди, прямо летѣть на завалы и орудіе. Наконецъ, 3-й колоннѣ, бо̀льшей прочихъ по составу, назначено было стоять на лѣвомъ берегу Гехи, на Нурикоевской полянѣ, рубить лѣсъ и быть въ готовности, въ случаѣ появленія непріятеля съ орудіемъ, перейти на правый берегъ и содѣйствовать колоннѣ генерала. 9-е число прошло въ ожиданіяхъ, которыя на этотъ разъ не сбылись; непріятель не привезъ орудія.

10-го, лазутчики пришли съ донесеніемъ, что въ этотъ день многочисленное скопище непріятельское непремѣнно явится, и Чеченцы будутъ стрѣлять изъ своего орудія по пѣхотѣ, рубящей лѣсъ. Часовъ въ 10 войска были на назначенныхъ мѣстахъ. Въ первомъ часу генералъ приказалъ колоннѣ охотниковъ тихо войти въ лѣсъ и залечь тамъ. Онъ былъ въ большомъ нетерпѣніи. Наконецъ, въ началѣ третьяго часа, раздался выстрѣлъ изъ непріятельскаго орудія. Генералъ вскочилъ на лошадь, бросился къ кавалеріи, закричалъ ей: *на-конь! на-конь!* и поѣхалъ по правому берегу рѣки сперва рысью, потомъ пустился скакать. Двѣ сотни неслись за нимъ на полномъ карьерѣ. Проскакавъ версты полторы, наша небольшая кучка всадниковъ была уже на одной высотѣ съ непріятельской колонной, находившейся на лѣвомъ берегу. Кавалерія ея стала переходить въ это время рѣку. Генералъ, скакавшій впереди, сказалъ: «*господа, кричите ура! кричите ура!*» Окружавшіе его вынули шашки, продолжали нестись во весь духъ и влетѣли на поляну, усѣянную рѣдкими деревьями. Тутъ былъ непріятель и привѣтствовалъ нашихъ градомъ пуль. Но приведенный въ замѣшательство появленіемъ казаковъ, которыхъ онъ не ожидалъ съ этой стороны, ошеломленный ихъ ударомъ, услышавъ слѣва «ура!» охотниковъ, заходившихъ ему въ тылъ, онъ бросился бѣжать. Казаки догоняли и рубили пѣшихъ Чеченцевъ: много ихъ здѣсь погибло. Кавалерія вся въ разсыпномъ строѣ скакала впередъ, перепрыгивая чрезъ срубленныя и поваленныя деревья. Въ лѣсу раздавался грохотъ отъ перестрѣлки и гремѣло всюду русское «ура!» Пронесшись далѣе, кавалерія остановилась наконецъ предъ огромными завалами, чрезъ которые трудно и пѣшему перейти. Бѣгущій непріятель прикрылся ими и открылъ сильный огонь. Подоспѣла пѣхота.

Когда кавалерія остановилась передъ завалами (по свидѣтельству всѣхъ, которымъ знакома здѣшняя война, рѣдкими по величинѣ и длинѣ своей), генералъ послалъ приказаніе пѣхотѣ итти какъ можно скорѣе. Чрезъ десять минутъ приведенъ былъ баталіонъ Навагинцевъ (первая появившаяся пѣхота). Густая цѣпь ихъ открыла сильный огонь, и, подойдя къ завалу, который тянулся длинною линіею, залегла за нимъ. Непріятель быстро отступалъ; лѣсъ былъ покрытъ бѣгущими Чеченцами. Генералъ стоялъ правѣе Навагинской цѣпи, окруженный лишь своимъ казачьимъ конвоемъ; при немъ не находилось въ эту минуту ни одного офицера (всѣ

были разосланы съ приказаніями). Онъ былъ на своемъ знаменитомъ конѣ; издали легко можно было различить его по шапкѣ съ краснымъ верхомъ. Онъ кричалъ Навагинцамъ: «впередъ, ребята, черезъ завалы!» Вдругъ пуля ударила его въ грудь подъ ложечку; онъ круто повернулъ коня направо, сказалъ своимъ конвойнымъ казакамъ: «*возьмите меня*», ухватился за гриву, и сталъ валиться съ лошади. Онъ былъ очень блѣденъ и молчалъ. Никто не зналъ, куда онъ раненъ; крови не было видно. Его положили на бурку и понесли изъ огня. Минуты черезъ двѣ онъ сказалъ: «*Команду послѣ меня принимаетъ полковникъ Каревъ. Гдѣ баронъ Сталь?*» (отрядный квартирмейстеръ). Пріѣхалъ баронъ Сталь. Онъ повторилъ ему это приказаніе. Его понесли далѣе. Явился докторъ. Генерала положили на землю и стали раздѣвать; докторъ отстегнулъ его кинжалъ, снялъ поясъ съ пистолетомъ, разстегнулъ черкеску, бешметъ; тогда на бѣлой рубашкѣ показалось небольшое кровавое пятно. Докторъ опустилъ зондъ въ рану; не ощупалъ пули и вынулъ тотчасъ назадъ зондъ и потомъ сказалъ: «Рана смертельна. Безполезно даже искать пули.» Слѣпцова понесли далѣе и онъ испустилъ духъ въ то время, какъ его переносили черезъ рѣку, слѣдовательно, еще на полѣ сраженія, чрезъ полчаса послѣ роковаго удара. Докторъ Лужинскій находился при немъ до послѣдняго его издыханія и помнитъ всѣ слова, имъ произнесенныя. Онъ спросилъ:— «*взята ли пушка?*» Ему отвѣчали: «Нѣтъ, но за то много побито Чеченцевъ.» Онъ сказалъ: «*Ну, и то хорошо, слава Богу!*» Мысль о войскахъ, о ввѣренномъ ему отрядѣ, не оставляла его до послѣдней минуты; онъ вслушивался въ гулъ перестрѣлки, гремѣвшей въ лѣсу, спрашивалъ: «*соединились ли съ колонной охотниковъ; не велика ли потеря у насъ?*» Сталъ молиться: «*Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!*»

Глубоко религіозный, Слѣпцовъ умиралъ съ твердою вѣрою въ жизнь вѣчную. Онъ не страдалъ: агонія его не была мучительна; ни одного крика и стона не вырвалось изъ его устъ; онъ заснулъ тихо, никто не примѣтилъ, какъ улетѣлъ могучій духъ вождя. Этимъ исполнилось всегдашнее желаніе Слѣпцова. Предчувствуя, что ему суждено пасть на полѣ сраженія, онъ нѣсколько разъ въ бесѣдѣ съ своими приближенными выражалъ желаніе: смертельную рану получить въ грудь, потому что такая рана не сопряжена съ большимъ страданіемъ и оставляетъ въ полной памяти умирающаго.

Такъ палъ смертію героя, на своемъ посту, исполняя долгъ свой въ самомъ пылу боя, доблестный генералъ Слѣпцовъ, благороднѣйшій изъ благородныхъ, храбрѣйшій изъ храбрыхъ, гордость, честь и надежда Кавказской арміи.

Такъ онъ запечатлѣлъ слова своего приказа отъ 30-го августа 1845 года, что *считаетъ обязанностію по званію и долгомъ пріятнымъ жертвовать собою для пользы войска;* «вы это узнаете послѣ», прибавлялъ тогда генералъ, и съ небольшимъ чрезъ шесть лѣтъ, подтвердилъ ихъ прекрасною смертію, давъ послѣднее доказательство въ томъ, какъ умѣетъ русскій человѣкъ держать свое слово *).

Отъ солдатъ и казаковъ тогда скрыли смерть любимаго ими начальника; но, послѣ сраженія, скорбь о немъ была общая и не лицемѣрная.

Дѣло 10-го декабря было удачно. Но все остановила смерть генерала. Особенно отличились пѣшіе казачьи охотники подъ предводительствомъ храбраго Предимирова, и Тенгинскіе охотники съ маіоромъ Меркуловымъ: они взяли завалы и аулъ. 1-й Эриванскій и 2-й Навагинскій баталіоны пошли въ лѣсъ за кавалеріей, 1-й Навагинскій баталіонъ остался на мѣстѣ, составляя правый флангъ. Эриванцы, съ маіоромъ Шатиловымъ, пошли впередъ, вошли въ связь съ охотниками, и поддержали ихъ. Потомъ началось общее отступленіе. Непріятель не преслѣдовалъ; онъ бѣжалъ, какъ бы пораженный паническимъ страхомъ. Ночью лишь узнали въ горахъ о смерти ихъ грознаго врага.

Встрѣча праха Слѣпцова на Сунжѣ исполнена была мрачной торжественности. 11-го декабря повезли его изъ лагеря; въ послѣдній разъ шли за вождемъ своимъ Сунженскіе казаки. Изъ первой на пути станицы, Ассинской, весь народъ вышелъ за 5 верстъ; старики, дѣти, женщины съ грудными младенцами, больные и хворые—все устремилось,

*) Письмо г. Циммермана въ ***Кавказѣ*** 1852 г. № 2, переп. въ ***Русск. Инв.*** 1852 г. №№ 27 и 28 и въ ***Журналѣ для чтенія*** *воспитанниковъ Военно-Учебныхъ Заведеній* 1854 г. № 235. Также статья г. А. Ц. въ ***Русскомъ Инвалидѣ*** 1852 г. № 36.

всѣ пошли на встрѣчу тому, кто поселилъ ихъ, водворилъ, заботился обо всѣхъ ихъ нуждахъ, защищалъ, берегъ и погибъ за нихъ. Еще бóльшее стеченіе ожидало его предъ станціей Сунженской. Вѣсть роковая разнеслась уже наканунѣ по Сунжѣ и отвсюду, изъ всѣхъ станицъ, старые и малые пошли въ станицу Сунженскую взглянуть въ послѣдній разъ на столь дорогое и знакомое имъ лице. Даже слѣпыхъ взяли съ собою. Цѣлый народъ, населяющій край, ожидалъ въ безмолвіи, прерываемомъ лишь стонами и рыданіями, приближенія праха своего вождя. Съ появленіемъ печальной колесницы вопли и плачъ усилились. Все кинулось къ гробу, все бросилось смотрѣть на бездушное лице; матери, говоря маленькимъ дѣтямъ своимъ: «смотрите, вотъ кто былъ отцомъ и защитникомъ нашимъ», клали грудныхъ младенцевъ на гробъ. Повсюду слышны были восклицанія: «лучше бы у меня отецъ былъ убитъ, или сынъ, или братъ»; тотъ говорилъ: «онъ меня изъ плѣна выкупилъ»; другой: «онъ семью нашу поддержалъ послѣ смерти отца, погибшаго въ боѣ». Каждаго изъ нихъ лично зналъ Слѣпцовъ, вѣдалъ всѣ ихъ нужды, дѣлилъ съ ними горе и радость. Онъ сдѣлался для казаковъ столь необходимымъ, что они, знакомые съ бранною тревогой и привыкшіе въ бояхъ смотрѣть въ лице смерти, не могли свыкнуться съ мыслію о его потерѣ, думали: не оживетъ-ли онъ отъ своего тяжелаго сна и встанетъ, и раздастся его призывный кликъ: *«на конь! за мной!»* и вся Сунжа пойдетъ снова за нимъ бить Татаръ и жечь ихъ аулы.

Предъ домомъ генерала стояли домашніе его, и впереди ихъ управлявшій всѣмъ хозяйствомъ у него, Яковъ Михайловичъ, осмидесятилѣтній старикъ, служившій еще дѣду Слѣпцова, бывшій у него дядькою, одинъ изъ тѣхъ старинныхъ слугъ, порода которыхъ нынѣ почти перевелась на Руси. Съ нѣмою горестью смотрѣлъ онъ на бездушное тѣло того, кого носилъ на рукахъ и лелѣялъ.

Въ одинъ день съ Слѣпцовымъ былъ убитъ любимецъ его, урядникъ Мишневъ, кавалеръ трехъ Георгіевъ. Узнавъ о смерти Мишнева, семья его въ одинъ голосъ сказала: «Слава Богу, что въ одинъ день съ генераломъ онъ убитъ. Мы объ своемъ не жалѣемъ; онъ не былъ жилецъ на этомъ свѣтѣ: не сегодня, такъ завтра его бы убили; но намъ генерала жаль». Вѣрнаго казака похоронили у ногъ его начальника.

Три дня стояло тѣло Слѣпцова въ Сунженской; день и ночь народъ тѣснился въ церкви у его гроба, рыдалъ надъ нимъ, цѣловалъ его охладѣвшія руки. Казаки говорили: «если бы могъ онъ воскреснуть, хоть на мгновеніе, онъ увидалъ бы тогда, какъ его любили». Такая скорбь, такая любовь суть высшая и лучшая ему награда.

Три дня оплакивалъ его народъ. Одинъ старый казакъ сказалъ: «Никогда Сунжа такъ не разливалась, какъ теперь! Столько слезъ пролито на берегахъ ея». 14-го декабря были похороны. Слѣпцовъ лежалъ въ гробу въ мундирѣ Сунженскаго полка; казаки и слышать не хотѣли, чтобы на него надѣть парадный генеральскій мундиръ: «пусть положатъ его въ сырую землю въ нашей одеждѣ», говорили они. За колесницей несли полковое знамя и вели бѣлаго коня генерала, на которомъ онъ былъ убитъ. Казаки подходили къ коню и говорили ему въ своей простодушной горести: «Ты не добрый и не хорошій конь, на тебѣ убитъ отецъ нашъ, на тебѣ-же онъ былъ раненъ; ты не берегъ его въ бою; еслибъ онъ былъ на гнѣдомъ конѣ, то вѣрно-бы остался живъ; тотъ честный и добрый конь, и часто былъ раненъ подъ нимъ, а тебя ни разу не ранили».

Въ день смерти Слѣпцова въ Сунженской станицѣ случилось землетрясеніе: домъ генерала поколебался, караульный выскочилъ изъ него отъ ужаса. Въ этомъ случайномъ обстоятельствѣ народъ видѣлъ явное знаменіе воли Божіей.

Послѣ смерти Слѣпцова въ бумагахъ его нашли духовное завѣщаніе, написанное имъ два года тому назадъ, передъ Галашевской экспедиціей. Въ немъ генералъ прощался съ своими родными и близкими ему людьми; въ трогательныхъ выраженіяхъ, съ христіанскимъ смиреніемъ просилъ великодушнаго прощенія у тѣхъ, передъ которыми согрѣшилъ онъ словомъ или дѣломъ, отказывалъ свою шашку племяннику, сыну старшаго брата, назначалъ 25 рублей серебромъ тѣмъ казакамъ, которые вынесутъ тѣло его изъ боя, просилъ не забывать себя. Присутствовавшіе при чтеніи завѣщанія, сподвижники Слѣпцова, суровые, въ бояхъ закаленные люди, были тронуты, и слезы, давно имъ незнакомыя, омочили ихъ рѣсницы. Но чувство скорби, возбужденное въ

нихъ этой утратой, смѣнилось чувствомъ гордости при воспоминанiи о томъ, съ какимъ достоинствомъ неустрашимый вождь ихъ встрѣтилъ смерть, давно уже его ожидавшую.

Слѣпцовъ былъ средняго роста, худъ и сухъ. Блѣдное лице его, покрытое загаромъ отъ солнца боевыхъ полей Чечни, было очень красиво. Строгiй, благородный очеркъ, орлиный носъ, густые, короткiе усы, бакенбарды, обходившiе кругомъ лица и черные глаза, которыхъ обыкновенное выраженiе было мягкое и ласковое, но которые, въ минуту одушевленiя и гнѣва, сверкали какъ угли, составляли въ цѣломъ одну изъ тѣхъ физiономiй, которыя нельзя забыть, видѣвъ ихъ хотя одинъ разъ. Волосы его были густые, курчавые и черные, какъ смоль; но въ нихъ начинало уже пробиваться серебро сѣдинъ. Движенiя и жесты Слѣпцова были рѣзки; ходилъ онъ быстро, говорилъ скоро; когда находился въ волненiи, то немного заикался. Голосъ его былъ прiятенъ и имѣлъ особенный тонъ; въ минуты же гнѣва и раздраженiя дѣлался необыкновенно звонкимъ и крикливымъ. Выражался онъ просто, не стараясь отыскивать и придумывать фразъ, говорить красно и высокопарно. Въ разговорѣ любилъ употреблять уменьшительныя слова. Слѣпцовъ былъ пылокъ, имѣлъ самую огненную натуру, но былъ добръ и щедръ. Чрезвычайно раздражительный, онъ вспыхивалъ какъ порохъ, но скоро остывалъ. Когда что-нибудь исполнялось противъ его приказанiй и этимъ нарушались его распоряженiя, онъ приходилъ въ совершенную ярость, кричалъ пронзительно. Но этотъ взрывъ страсти скоро проходилъ, и онъ иногда (если былъ не правъ), спѣшилъ извиниться предъ тѣмъ, на кого излился его гнѣвъ. Были примѣры, что онъ передъ всѣми просилъ прощенiя у простыхъ казаковъ. Никто изъ тѣхъ, которые подвергались его справедливому гнѣву, не чувствовалъ себя оскорбленнымъ.

Преобладающее военное качество въ Слѣпцовѣ была отвага безоглядная. Онъ былъ храбръ, какъ рыцари въ романахъ, какъ паладины среднихъ вѣковъ. Не было преграды, которая бы его остановила; опасности, которой бы онъ устрашился; предпрiятiя военнаго, которое бы счелъ неисполнимымъ. Хотя онъ не отличался особенною физическою крѣпостью, но энергiя души его все превозмогла; онъ былъ неутомимъ, способенъ переносить всѣ труды и лишенiя, чтобы достигнуть своей цѣли.

Въ пылу боя Слѣпцовъ себя не щадилъ нисколько и никогда не видѣлъ опасности, не замѣчалъ пуль, летавшихъ кругомъ его. Имѣя всегда горячее желанiе пасть на полѣ ратномъ, онъ пугался самой мысли о смерти на постелѣ, отъ болѣзни. Бывъ готовъ умереть каждую минуту, Слѣпцовъ выбралъ могилу себѣ въ Сунженской станицѣ, подлѣ убитаго своего племянника.

Ведя съ непокорными Чеченцами открытую, рыцарскую войну, онъ, въ тоже время, любилъ этотъ народъ и много заботился объ устройствѣ благосостоянiя тѣхъ, которые переселились къ намъ, и съ плѣнными обходился кротко.

Слѣпцовъ былъ также рѣдкiй семьянинъ. Къ своему престарѣлому отцу онъ питалъ особенную горячую привязанность, полную покорность и глубочайшее почтенiе. Въ iюнѣ 1848 года почтенный старецъ скончался и былъ похороненъ въ отдаленной деревнѣ. Осенью того же года въ этой деревнѣ вдругъ неожиданно явился штабъ–офицеръ, и попросилъ къ себѣ священника. Это былъ Слѣпцовъ: прямо съ Сунжи, лишь только позволили ему служебныя дѣла, онъ прiѣхалъ поклониться милому праху на свѣжей могилѣ. Въ уединенiи отъ всѣхъ, онъ долго и усердно молился, говѣлъ тамъ и причастился Святыхъ Тайнъ; потомъ уже отправился на свиданiе съ родными. Родственность его, согрѣтая истиннымъ дружествомъ, была самая преданная; не было просьбы, въ которой онъ отказалъ бы роднымъ; этого мало, онъ самъ напрашивался на все, что только отъ него зависѣло. Всѣхъ бѣдныхъ, всякаго званiя земляковъ, служившихъ на Кавказѣ, или искавшихъ случая поступить чрезъ ходатайство его въ службу, онъ ласкалъ какъ людей, близкихъ себѣ, и имѣлъ о нихъ особенное попеченiе; многихъ содержалъ на свой счетъ.

Искуственнаго въ Слѣпцовѣ ничего не было. Скромность, при всей уже его извѣстности, доходила до того, что онъ слова, въ письмахъ и разговорахъ съ нимъ, невольно иногда вырывавшiяся отъ удивленiя къ нему, принималъ не иначе, какъ за лесть. За три года до смерти, родные убѣдительнѣйше стали просить о позволенiи снять съ него портретъ; онъ не позволилъ даже продолжать просьбы, на отрѣзъ

отказалъ, и нѣтъ нигдѣ такого портрета. Изъ всѣхъ портретовъ, нарисованныхъ съ него тайно, только сдѣланъ одинъ схожій, и находится нынѣ въ семьѣ его брата. Онъ былъ чрезвычайно ласковъ и привѣтливъ. Задумчивость, въ присутствіи Слѣпцова, всегда заставляла его сомнѣваться въ этомъ, довольны-ли имъ, и онъ немедленно старался развлечь окружающихъ и разсѣять свое сомнѣніе; самъ же задумывался часто. Онъ любилъ во всемъ порядокъ, стройность, чистоту, цѣнилъ выше всего откровенность, прямоту, добросердечіе; человѣка каверзнаго гнушался. Ложь и притворство были ему незнакомы и недоступны. Мстительности никогда не допускалъ. Незадолго передъ его кончиной, по его назначенію, были розданы, отъ неизвѣстнаго, довольно значительныя денежныя пособія тѣмъ, которые, по одному случаю, были причиною его большаго горя, перенесеннаго имъ съ твердостью, какъ испытаніе свыше.

Въ тоже время, Николай Павловичъ имѣлъ всѣ типическія свойства русскаго человѣка: былъ гостепріименъ, радушенъ, хлѣбосолъ. Домъ его и карманъ были открыты для всѣхъ. Для пользы общей и служебныхъ обязанностей онъ не щадилъ ничего, и не по словамъ, а на дѣлѣ, все состояніе съ жизнію своею повергнулъ на алтарь Отечества.

Однимъ словомъ, если надо сравненія, это былъ Баярдъ Кавказской арміи, рыцарь безъ страха и упрека.

Въ Слѣпцовѣ было что-то магическое, волшебное: такъ онъ умѣлъ очаровывать, привязывать къ себѣ, возбуждать фанатическую преданность. Одинъ казачій офицеръ, человѣкъ образованный, одинъ изъ преданнѣйшихъ ему людей, сказалъ черезъ нѣсколько дней по его смерти: «Я былъ вѣренъ и преданъ ему, какъ лягавая собака господину; я поклонялся ему, какъ дикій поклоняется солнцу».

Но у Слѣпцова были и свои странности. Напримѣръ, онъ, воинъ столь отважный и смѣлый, прославившійся своимъ безстрашіемъ на Кавказѣ, гдѣ такъ много неустрашимыхъ людей, боялся, и какъ еще боялся!—различныхъ насѣкомыхъ и пресмыкающихся, боялся ихъ, какъ левъ боится пѣтушьяго крика. Когда онъ увидитъ, бывало, гадину, то сейчасъ измѣнится въ лицѣ.

Въ станицѣ Самашки много ядовитыхъ пауковъ; онъ не любилъ тамъ бывать и говаривалъ: «тамъ паучки есть!» Когда онъ пріѣзжалъ туда и сидѣлъ у станичнаго начальника, то всегда осматривался: ему казалось, что по немъ ползаютъ пауки. Къ сверчкамъ въ особенности имѣлъ онъ страшное отвращеніе.

Сунженскій полкъ и Сунженская линія созданы имъ въ осуществленіе предначертаній князя Воронцова. Слѣпцовъ былъ вѣрный и точный исполнитель воли недавно скончавшагося намѣстника.

Всѣ станицы на Сунжѣ построены имъ. Въ первые годы устройства линіи, какъ видѣли, тревоги въ ней были безпрестанныя. Чеченцы часто дѣлали набѣги, и Слѣпцовъ, съ своими казаками, не зналъ покоя. Бывало раздастся пушечный выстрѣлъ, возвѣщающій появленіе непріятельской партіи: на линіи тревога, казаки поспѣшно вооружаются, садятся на коней, и скачутъ изъ станицъ на сборный пунктъ. Слѣпцовъ ведетъ ихъ отбивать скотъ, отогнанный непріятелемъ, преслѣдовать Чеченцевъ, или отрѣзать имъ путь отступленія и истребить. Послѣ удачнаго дѣла летучій отрядъ возвращается на линію. Пѣсни гремятъ въ рядахъ казаковъ; они ѣдутъ, неся отбитое оружіе, значки, ведутъ немногихъ плѣнныхъ, а за ними кони, бранные товарищи, везутъ перекинутыя чрезъ сѣдла тѣла побитыхъ казаковъ. Вѣсть о дѣлѣ прилетаетъ въ станицу, разсказываютъ, кто убитъ, кто раненъ. Толпа собирается для встрѣчи у воротъ. При восклицаніяхъ ея побѣдитель въѣзжаетъ въ станицу. Но радость торжества нарушается печальною сценою. Съ воплемъ бросаются на встрѣчу вождю жены и дѣти убитыхъ. Онъ кидаетъ имъ деньги, даетъ семьѣ убитаго казака 100 р., 150 р. сер., обезпечиваетъ ихъ будущность. Столь благороднымъ образомъ прожилъ онъ все свое состояніе.

Вотъ отчего любили его такъ казаки, отчего скорбятъ они и нынѣ, и горячія слезы текутъ по изрубленнымъ лицамъ.

Вечеромъ, когда всѣ въ отрядѣ отдыхаютъ и сидятъ у костровъ, о немъ идетъ неумолкаемая бесѣда. Когда заходитъ разговоръ о падшемъ (а объ немъ говорятъ безпрестанно), у всѣхъ на лицахъ появляется грустная улыбка. Казаки и Татары (милиціонеры) поютъ пѣсни и славятъ добродѣтели покойнаго, его отвагу, его безстрашіе, его щедрость, его великодушіе.

Память о Слѣпцовѣ всегда сохранится на Сунжѣ, среди населенія имъ водвореннаго, въ землѣ, которую онъ покорилъ русскому скипетру, отнимая ее у враговъ, шагъ за шагомъ, наводя на нихъ ужасъ своимъ смѣлымъ набѣгомъ и повторяя ударъ за ударомъ. Имя его, воспѣтое въ казачьихъ пѣсняхъ, не будетъ забыто потомствомъ; онъ сдѣлается любимымъ героемъ сказаній и легендъ этого края. Дѣти нынѣшнихъ казаковъ будутъ пѣть боевую пѣснь Сунженскаго полка:

Стая на небѣ орловъ
Тучу разсѣкаетъ,
На Чеченцевъ нашъ Слѣпцовъ
Съ Сунжей *) налетаетъ.

Любовь къ Слѣпцову питали не одни казаки, но и всѣ войска, по чему-либо его знавшіе; память о немъ навсегда сохраняется и въ полкахъ, находившихся временно подъ его командою.

Весною 1851 года, т. е. въ послѣдній годъ жизни Слѣпцова, 1-й баталіонъ Эриванскаго Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича (нынѣ Лейбъ-Карабинерный Эриванскій Его Величества) полка, по волѣ Князя Воронцова отправленъ былъ изъ Грузіи въ Чечню, для участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Путь предстоялъ дальній, край былъ мало кому извѣстенъ, но карабинеры шли радостно, какъ бы на веселый пиръ. Незадолго до того, въ Бозѣ почивающій Государь украсилъ полкъ Августѣйшимъ именемъ нынѣ благополучно царствующаго Императора, и всѣ горѣли желаніемъ въ кровавомъ бою отпраздновать милость Царскую. Гдѣ же найти было болѣе раздолья для праздника, какъ не на чеченскихъ поляхъ, тамъ, гдѣ Слѣпцовъ съ своими Сунженцами вихремъ-опустошителемъ носился по вражескимъ ауламъ, замѣтая за собою и слѣды вертеповъ, въ которыхъ гнѣздились хищники.

Храбрымъ немного времени нужно, чтобъ свести дружбу до гробовой доски. Сунженцы приняли въ домы свои Эриванцевъ, какъ родныхъ братьевъ; Слѣпцову стоило только разъ взглянуть на нихъ, чтобъ полюбить ихъ отъ всей души, чтобъ отгадать въ каждомъ молодца изъ молодцовъ. Много трудностей выпало на долю Эриванцамъ: вмѣсто отдыха послѣ дальней дороги, пришлось имъ подъ лучами палящаго солнца, отъ ранняго утра до поздняго вечера, рыть землю для устройства новыхъ станицъ; но работали они весело, безропотно, зная, что Слѣпцовъ, при случаѣ, дастъ имъ поработать и штыками, вмѣсто лопатъ. Этотъ случай скоро представился. 15-го іюня, на Нурикойской полянѣ, Сунженцы, какъ снѣгъ на голову, налетѣли на чеченскія стада и погнали ихъ покойно за собою, словно давнюю собственность, между тѣмъ какъ имъ на перерѣзъ Чеченцы сыпались въ лѣсъ густою толпою. «*Постойте вы, шайтаны,* — толковали казаки между собою, — *на чистомъ мѣстѣ пропали ваши коровушки, а въ темномъ лѣсу пропадутъ и головушки.*» Въ лѣсу непріятеля ждала пѣхота, завязался жаркій бой, и Эриванцы доказали на самомъ дѣлѣ, что все то правда, что съ разу отгадалъ въ нихъ орлиный взглядъ Слѣпцова, чего безсознательно ждали отъ нихъ простые казаки. Казачья шашка сроднилась съ карабинернымъ штыкомъ, и вскорѣ въ рядахъ Эриванцевъ сложили пѣсню:

Ужъ спасибо Воронцову,
Что въ Чечню онъ насъ послалъ,
И начальникомъ Слѣпцову
Быть надъ нами приказалъ.

Прошло съ тѣхъ поръ полгода, и не стало доблестнаго вождя; но въ этомъ немногомъ времени онъ видѣлъ много подвиговъ воинскаго самоотверженія Эриванцевъ и, въ то же время, карабинеры, въ свою очередь, видѣли много доблестей казачьяго генерала, о которыхъ теперь идутъ у нихъ безконечные разсказы.

Когда на слѣдующій годъ Эриванцамъ кончилась боевая жизнь въ Чечнѣ, и баталіону было велѣно воротиться съ Сунжи, они пришли проститься съ почившимъ героемъ.

Въ глубокой тишинѣ выстроился баталіонъ передъ свѣжей могилой. Всѣ были проникнуты торжественностью минуты. Послышалось церковное пѣніе, началась заупокойная панихида. Серебристой росой капали слезы на-земь; въ высь, къ голубому небу, неслась теплая молитва объ упокоеніи

*) Сунжа — Сунженскій полкъ, сунженскіе казаки.

души раба Божія воина Николая *въ мѣстѣ злачномъ, въ мѣстѣ покойномъ, отнюду же отбѣже всякая болѣзнь, печаль и воздыханіе.* На троекратное возглашеніе *вѣчной памяти* отозвался троекратный ружейный залпъ. Командиръ баталіона, подполковникъ Шатиловъ, скомандовалъ *на кара-улъ!* послѣ чего баталіонъ прошелъ церемоніальнымъ маршемъ мимо могилы. Равняясь съ нею, офицеры салютовали, солдаты обращали къ ней глаза.

Присутствовавшимъ казалось, что вотъ герой вымолвитъ имъ слово, отъ котораго бывало живымъ огнемъ вспыхивали сердца подчиненныхъ, что поблагодаритъ карабинеровъ за ихъ службу молодецкую.

Гдѣ бы въ послѣдствіи времени не привелось быть Эриванцамъ, вѣрно не забудутъ они этого прощальнаго смотра. Не забудутъ его и Сунженскіе казаки *).

Когда въ Петербургѣ еще не знали о смерти Слѣпцова, онъ былъ назначенъ 23-го декабря 1851 года начальникомъ Владикавказскаго Военнаго Округа.

*) *Кавказъ* 1852 г., № 29, переп. въ *Русск. Инв.* 1852 г., № 134.

Въ Бозѣ почивающій незабвенный Государь Императоръ, всегда такъ прекрасно увѣковѣчивавшій доблестные подвиги, Высочайшимъ приказомъ 29-го декабря 1851 года, Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: «въ память генералъ-маіора Слѣпцова, образовавшаго Сунженскій казачій полкъ, и постоянно водившаго его къ побѣдѣ, — станицу Сунженскую, въ коей расположена штабъ-квартира сего полка, именовать впредь *Слѣпцовскою.*» Вслѣдъ за этимъ, 28-го мая 1852 года, приказомъ Его Императорскаго Величества, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, — по званію главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, — имя Слѣпцова внесено на черную мраморную доску, находящуюся въ церкви Школы Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ и Юнкеровъ.

Этимъ Монаршимъ вниманіемъ оканчиваемъ наше жизнеописаніе, — потому что, сколько бы мы не хвалили Слѣпцова, все это будетъ мало и дастъ лишь слабое понятіе о томъ, сколь онъ былъ благороденъ и неустрашимъ. Память героя будетъ священна для всѣхъ, кто имѣлъ счастіе знать его.

енсоръ В. Бекетовъ.

Печ. И. Корелинъ.

Дѣло при Гехахъ, 10 Декабря 1851 года, въ Которомъ убитъ

ГЕНЕРАЛЪ МАІОРЪ СЛѢПЦОВЪ.

Жизнеописаніе ***Генералъ-Маіора Николая Павловича Слѣпцова*** составляетъ отдѣльный оттискъ изъ періодическаго изданія:

КАВКАЗЦЫ

или

ПОДВИГИ И ЖИЗНЬ

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛИЦЪ, ДѢЙСТВОВАВШИХЪ НА КАВКАЗѢ,

выходящаго,

СЪ ВЫСОЧАЙШАГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА СОИЗВОЛЕНІЯ,

подъ редакціею

Гвардіи Полковника С. Новоселова.

Назначеніе періодическаго изданія «КАВКАЗЦЫ»—передать перомъ и карандашемъ замѣчательные подвиги, совершенные на Кавказѣ, съ свѣдѣніями о жизни лицъ, ими прославившихся, отъ генерала до рядоваго. Прибыль отъ изданія предоставлена къ успокоенію раненыхъ и въ пользу семействъ падшихъ въ славу русскаго оружія. Списокъ господъ подписчиковъ, какъ участниковъ въ добромъ дѣлѣ, ежегодно обнародывается.

Изданіе выходитъ съ 1-го іюля 1857 года, по два раза въ мѣсяцъ, выпусками въ 2 листа каждый, съ приложеніемъ портретовъ, рисунковъ военныхъ дѣйствій, картъ и плановъ, числомъ до трехъ въ мѣсяцъ. Форматъ бумаги и печать текста и приложеній точно тѣ же, какъ въ этомъ отдѣльномъ оттискѣ.

ПОДПИСКА принимается: въ С. Петербургѣ: въ редакціи, находящейся въ С. Петербугской крѣпости, въ квартирѣ Плацъ-Маіора, Полковника *Новоселова;* въ конторѣ изданія, учрежденной при книжномъ магазинѣ *Я. А. Исакова* (въ Гостинномъ Дворѣ, по Суконной Линіи, подъ № 24), и въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта;—въ Москвѣ: у книгопровавца *Ѳ. И. Салаева*;—въ Тифлисѣ: у книгопродавца *Г. В. Беренштама.*

За первые 12 выпусковъ, состоящіе изъ 24 листовъ текста, съ 18 приложеніями, вышедшіе до 1 января 1858 года, цѣна *шесть рублей.*

За слѣдующіе 24 выпуска (№№ 13—36), состоящіе изъ 48 листовъ текста, съ 36 приложеніями, имѣющіе выйти въ теченіе 1858 года, цѣна *двѣнадцать рублей.*

Но, подписавшіеся на первые 12 выпусковъ до 1-го января 1858 года вносятъ, за 24 выпуска слѣдующаго года, только *десять рублей.*

Желающіе подписаться на одинъ текстъ, безъ рисунковъ, платятъ половину.

За доставку на домъ въ С.-Петербургѣ прилагается за первые 12 выпусковъ—50 к.; за слѣдующіе 24 выпуска 1 руб., а за пересылку въ другіе города: за 12 выпусковъ 75 к., а за 24—1 руб. 50 коп.

Казенныя и общественныя библіотеки и господа служащіе всѣхъ вѣдомствъ могутъ вносить подписныя деньги помѣсячно, по третямъ года, или въ другіе сроки, какіе они признаютъ для себя удобнѣйшими; но, съ непремѣннымъ правиломъ, чтобы требованія на высылку изданія, на подобномъ условіи, были дѣлаемы черезъ ближайшихъ начальниковъ и не иначе, какъ на имя Редакціи.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ о намѣреніи издавать «КАВКАЗЦЫ» Всемилостивѣйше соизволилъ отозваться: «весьма хорошая мысль»; а потомъ лично осчастливилъ полковника Новоселова многомилостивыми словами: «благодарю за доброе намѣреніе». Вышедшіе выпуски «КАВКАЗЦЕВЪ» имѣли счастіе удостоиться благосклоннаго принятія ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМЪ и Членами Августѣйшаго Семейства. Высшее начальство снисходительно изъявило полную готовность содѣйствовать благой цѣли изданія. Наконецъ, просвѣщенные соотечественники, всѣхъ состояній встрѣтили предпріятіе общимъ сочувствіемъ, которое выразилось въ лестныхъ отзывахъ изъ С. Петербурга и Москвы, съ Кавказа и изъ Польши, съ Дона и изъ Сибири.

Цѣна отдѣльному оттиску жизнеописанія Генералъ-Маіора Слѣпцова 75 к.; вѣсовыхъ за одинъ фунтъ.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, 7 мая 1858 года. Ценсоръ *В. Бекетовъ*.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЯКОВА ТРЕЯ.